

Читайте в серии
«Молодежное российское фэнтези»:

Алекс Джун «Спи, Алиса»

Дельта Корнер «Убийца Королей»

Кайса Локин «Сумеречный сказ»

Екатерина Соловьева «Избранник смерти»

Елена Добрынина «Эмма Дженкинс»

Натали Рок «Кровь и Клятва»

Елена Добрынина

Эмма
Дженкинс

Freedom

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д57

Иллюстрация на обложке
Fukkatsu Art
Художественное оформление
Кристины Михайловой

Д57 **Добрынина, Елена.**
Эмма Дженкинс / Елена Добрынина. — Москва :
Эксмо, 2024. — 512 с. — (Young Adult. Молодеж-
ное российское фэнтези).

ISBN 978-5-04-186907-6

Думаете, магия — предел мечтаний любого жителя Бретонии? Как бы не так! Эмма Дженкинс не просила о волшебном даре, который никак себя не проявляет. Ей хотелось мирной и спокойной жизни в кругу семьи, собственную кондитерскую и верных друзей. Но теперь девушка вынуждена отправиться в магическую академию, из которой, по слухам, возвращаются не все, и, кажется, Эмма испытывает симпатию к своему наставнику! Что за невезение... Однако на этом проблемы не заканчиваются. Теперь она связана странной и необъяснимой клятвой с четырьмя незнакомыми людьми. А еще Эмма повсюду сталкивается с обаятельным, но раздражающим Эвертом Диксоном, который, впрочем, может помочь девушке разобраться с неприятностями, свалившимися ей на голову.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Елена Добрынина, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ISBN 978-5-04-186907-6 ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ГЛАВА I

— Эмма! Эм-ма! Эмма-Эмма-Эмма, скорее на осмотр! Я уже все, благословен будь Источник. Доктор — душка! Магсестра, правда, гримза, — в комнату влетел ворох голубых кружев и оборок, в центре которого при желании можно было обнаружить мою сестру. — Ты же помнишь, что у нас на сегодня большие планы?

Помню, конечно, как не помнить. С тех пор как стало известно о приезде очередной комиссии, у Лиззи все разговоры только о том, что в этот день не будет занятий и мы, наконец, улизнем из школы. И планы у нас грандиозные. Сначала пикник на берегу озера. Обаятельная Лиз уже выпросила у сердобольных кухарок сэндвичи для «голодных девочек». В качестве одной из них Лиз, недолго думая, предъявила меня: и худа, и бледна, и глазки в пол, и трепет ресниц, и горестный вздох, давно отрететированный. Составить нам компанию для завтрака на природе решили еще две одноклассницы, но у Джейн вечером поднялась температура, а Тереза без подружки струсила. После пикника мы хотим искупаться, а затем пробраться в сад барона Степлтона: его усадьба,

расположенная по соседству со школой, давно заброшена, но яблоки и сливы в саду на диво вкусные. А в самом конце весны, вот как сейчас, весь сад утопает в ароматной нежно-розовой пене яблоневого цвета, и гулять там — одно удовольствие.

— Эм-ма, очнись, — цепкие пальцы Лиз легко встряхнули меня за плечо.

— Слышу, помню, готова.

Я поднялась из кресла.

— Сэндвичи уже в сумке, смена белья там же, — заговорщицким тоном прошептала ей на ухо. — Только как ты собралась протиснуться через дыру в заборе в этом воздушном... Хм... Торт?

Я показала на платье сестры.

— Сходи переоденься.

— Во что-нибудь скучное, — продолжила та. — Нет уж, может, я всю ночь мечтала, как буду гулять по цветущему саду в этом платье.

— Или торчать посреди забора.

— ... но обязательно в нем, — не сдавалась сестра.

— Хорошо-хорошо, я поняла: вытряхнуть тебя из платья невозможно.

Человек, плохо знающий Лиззи, мог бы заподозрить ее в том, что она недалекая, легкомысленная и неосмотрительная. Но я знаю ее с рождения и понимаю, что, во-первых, подобного рода капризы Лиз позволяет себе, когда речь идет о чем-то маловажном. А во-вторых, раз упрямится, значит, на это есть причины.

— Так-то, Эм. Как по-твоему, что подумали бы мэтрисс Шульц и эта зануда Вилма, если бы в первый же свой свободный день я вырядилась в дорожное платье?

— Что ты что-то затеваешь, — пришлось признать мне.

— По-моему, кузины Барнет и Дженкинс опять что-то затевают! — раздалось так неожиданно, что я вздрогнула. — Все время шепчутся, это не к добру.

Ну вот, стоит вспомнить зануду Вилму, она тут как тут, выскочила, словно демон из коробочки.

— Вилма, ты нас раскусила, — не стала юлить Лиз. — Как раз сейчас я пытаюсь подговорить Эмму...

Сестра перешла на заговорщицкий шепот и поманила чересчур догадливую одноклассницу пальчиком.

— Позаимствовать у милого доктора несколько пакетиков с желудочными порошками. Подсыпем их мэтрисс Глогг на следующей неделе, может, получится избежать опроса по рионскому.

— Я не в восторге от этой затеи, — не слишком убедительно пробормотала я.

— Хм, ну да, ну да, — многозначительно потянула мисси Заноза и неторопливо поплыла к своим приятельницам, поглядывая в нашу сторону.

— По-моему, не поверила.

— Зато запомнила. Пусть считает, что мы заняты чем угодно, но здесь, в школе, — проговорила Лиз, посылая улыбку Вилме. — Ну где же мэтрисс Шульц?

Последняя словно только и ждала вводной реплики. Тотчас же дверь открылась, причем открыли ее очень уверенно и авторитетно (мэтрисс Шульц все делала уверенно и авторитетно, даже очки она поправляла так царственно, что хотелось сделать книксен). Тихий шорох: это все ученицы в зале обернулись на звук. И мэтрисс Шульц показалась на пороге — незыблемая, как многотомная энциклопедия

по истории родного государства, — дисциплины, которую мэтрисс Шульц изволила нам преподавать.

— Мисси Дженкинс, Диккенс, Донован, Дрискол и Загорски, будьте добры проследовать за мной на осмотр.

Понадобилась пара мгновений, чтобы стряхнуть с себя оцепенение, вызванное внушительным голосом нашей наставницы, и еще пара, чтобы осознать: прозвучало и мое имя. Немного суеты, и вот уже мы впятером спешим по коридорам школы за мэтрисс Шульц, как утята за мамой уткой.

Пока мы шли в лечебницу в западное крыло школы, я успела наметить план действий: быстро пройти осмотр (как хорошо, что наши с Лиз фамилии в начале списка, нам не надо ждать), забрать сумки, отправиться на прогулку по школьному саду, найти заветную дыру в заборе, скрытую дощечкой, — мы все руки занозили, пока прилаживали ее обратно...

— Мисси Дженкинс, прошу вас.

Передо мной распахнулась дверь медицинского кабинета. Я первая в списке из нашей пятерки, мне и заходить...

В кабинете кроме доктора Алистера, благообразного старичка, похожего на Снежного Деда и наружностью, и добродушным характером, расположилась магсестра. «Грымза», как говорит Лиз. Ну что ж, похоже: желчное худое лицо с уже наметившимися морщинами, слишком внимательные, глубоко посаженные глазки, черные волосы, скрученные в тугий узел, серая форма Магконтроля.

— Мисси Эмма Дженкинс, стало быть. Проходите за ширму, голубушка, готовьтесь к осмотру, — го-

лос дока, чуть насмешливый, успокоил меня. Не на меня одну он так действует, у нас даже уколов никто из девочек не боится.

Осмотр проходил как обычно: доктор Алистер пощупал пульс («немного слабоват, голубушка, и щеки бледноваты, вам надо лучше питаться и больше гулять на свежем воздухе»), прослушал легкие и остался доволен, осмотрел язык и горло и одобрительно хмыкнул, задал стандартные вопросы о самочувствии. Потом настал черед магсестры.

Я легла на кушетку. Грымза подошла с постным лицом, жестко надавила прохладными тонкими пальцами одной руки на солнечное сплетение, а пальцем другой ткнула меня в лоб чуть выше переносицы. Сейчас она скучающим голосом скажет «нулевой уровень», и я смогу одеться и пойти к Лиз. Вместо этого магсестра продолжала давить пальцами все сильнее. Я уже хотела попросить мистресс Грымзу быть поаккуратнее, но внезапно уловила в склоненном надо мной лице какое-то беспокойство.

— Полтора урвня, — наконец произнесла магсестра. — Направление и ось дара не определяется.

Что? Я не ослышалась? Это невозможно! У меня же нет...

— Можете одеваться.

— Нет никакого дара. Это ошибка.

— Мисси Дженкинс! Одевайтесь. Попрошу вас не отлучаться надолго. Вас вызовут для беседы, когда осмотрят остальных.

Одевалась я машинально и заторможенно. Пальцы то и дело путались, застегивая мелкие пуговицы, а в голове мелькали обрывки фраз и мыслей.

«Надо быстрее идти к Лиззи. Пикник. Сад. Полтора уровня. Как? “ Попрошу не отлучаться надолго. Ось дара не определяется”. Бред, бред. Какой же бред».

Обратной дороги я не заметила. Зато увидела, как изменилось выражение лица Лиззи. От радостно-нетерпеливого «Ну наконец-то!» до встревоженно-серьезного «Эмма, что случилось?». Казалось, Лиз мгновенно повзрослела: вместо розовощекого ребенка я увидела перед собой заботливую матушку.

В том, что я не разревелась позорным образом, заслуга одной Лиз. Она усадила меня в самое дальнее кресло и так строго цыкнула на любопытных девчонок, что никто не посмел подойти ко мне с расспросами, пока я рассказывала ей обо всем.

— Не хочу никуда уезжать, — закончила я.

— Эмма, подожди паниковать, — сейчас сестра уже походила на па: то же деловитое выражение лица, те же сложенные на груди руки. Па точно таким же тоном вел сделки и так же старался отбросить эмоции, когда речь шла о важном. — Возможно, ничего ужасного и не случилось.

«Не случилось». На самом деле для тревоги были все основания. Это только в старинных романах благородные юноши и прекрасные девы, обнаружив у себя внезапно проснувшийся дар, становились великими магами, свободно совершали чудеса, жили долго и счастливо и в финале уезжали в закат на прекрасном единороге. В реальности же ничего хорошего такие новости не предвещали. Любого мало-мальски одаренного магической силой человека сразу ставили на учет в отделе Магического Контроля. За сокрытие

таких способностей приговаривали к выжиганию дара или даже к смертной казни.

Дар чаще всего проявлялся в юном возрасте, и служащие Магконтроля раз в год вызывали на обязательную медкомиссию школьников и воспитанников интернатов и приютов. Очень удобно: и здоровье можно проверить, и новые дарования зафиксировать. И уж если выявлен у ученика дар, то тут два варианта: если он совсем мал (меньше двух единиц), то ученика не трогают, только осмотры он должен проходить чаще, чтобы все видели: уровень не растет. Но если дар значительный, то его обладателя переводят в особое заведение — школу-распределитель Магресурса, где развивают и исследуют возможности дарования и решают, что с ним делать.

Более способных и сильных направляют в академии и университеты, а потом на службу на благо государства. Отказ не принимается, понятное дело. Тех, кто послабее, отпускают на вольные хлеба, взяв согласие содействовать государству с помощью своего дара, если возникнет необходимость. А среди простых людей ходили страшные истории о том, как из распределителя неизвестно куда пропадают юные маги, которым не посчастливилось привлечь к себе особое внимание Магконтроля. И о том, что дети возвращаются из этих распределителей сами на себя не похожими. Неудивительно, что в эту школу не рвется никто, кроме сирот и бедняков, для которых это шанс выбиться в люди. А вот если есть достаток и планы на жизнь, внезапное открытие способностей только мешает. У меня есть и первое, и второе.

— Слушай, — Лиз снова спасла меня от моих мрачных мыслей, — если твой дар уже стабилен и не будет больше расти, ты только в плюсе. Ну будешь пару раз в год комиссию проходить, невелика печаль. Зато какие возможности открываются! Знать бы еще, какая именно у тебя способность. Ты ее совсем не чувствуешь?

— Совсем, — я покачала головой.

— Вот бы целительство или эмпатия... Иллюзии тоже неплохо, тут есть где развернуться. Как бы проверить?

— Джейн еще болеет, — вдруг пришло мне в голову. — Можно ее навестить.

— Отлично! — Лиззи с готовностью вскочила с кресла, словно игрушка на пружинке.

Снова идти в лечебницу совсем не хотелось. Но любопытство не давало сидеть на месте, да и делать пока было нечего. По пути мы успели шепнуть Терезе, что идем навестить Джейн, чтобы остальные знали, где нас искать.

В лечебнице нас встретила мэм Чейни — дежурная медсестра, похожая на строгую, но добросердечную бабушку.

— Подружке вашей уже получше. Еще денек-другой полежит и вернется к вам, — рассказала она, провожая нас к кровати Джейн. Та полулежала на подушках и читала книгу.

— Лиззи? Эмма? — удивилась она и, убедившись, что медсестра прикрыла за собой дверь, прошептала: — Я думала, вы уже на пикнике.

— Тут такое дело, — присаживаясь на стул рядом с кроватью, начала Лиззи, — пикник отменяется. У нас новости поважнее. У Эммы открылся дар.

Только пока не ясно, пока не ясно. Даже ось нельзя определить.

— Вы меня не разыгрываете? — Джейн смотрела во все глаза.

— Точно говорю.

— Эмма?

Я кивнула.

— И мы тут подумали... может, Эмма попробует тебя исцелить?

— Ну-у, — неуверенно протянула подруга, — а если у Эммы магия смерти?

— Она тихонечко.

— Ладно, — отложила книгу Джейн, — пробуй, но на следующую вылазку вы берете меня с собой.

Она смиренно вытянулась в кровати и прошептала «готова». Я подошла к Джейн и повторила действия нашего семейного целителя в Эрквуде: возложила левую руку на лоб, а правую на сердце и представила, как из моих рук течет целительная сила.

— Апчхи! Апчхи!

От неожиданности я отпрянула.

Вдребезги разбилась опрокинутая мною чашка.

— М-да, — хмыкнула Лиззи и принялась деловито собирать осколки. А я расспрашивала свою подопытную:

— Как ты? Чувствуешь что-нибудь?

— Нет, ничего. Даже не вспотела, — развела руками Джейн. — Эмма, а ты сама ощущаешь в себе изменения? Может, ты вдруг полюбила растения, начала ухаживать за ними или возиться с животными?

Я отрицательно покачала головой.

— Тогда ты точно не маг жизни. И не огневик: ты не буйная совсем.

— Давайте рассуждать логически, — присоединилась к нам Лиззи, — кто еще остался? Эмпаты умеют всем нравиться, — тут я поймала на себе два критических взгляда, — маги земли питают слабость к металлам и камням и копят все, что считают полезным, — мне сразу вспомнилась весенняя уборка, когда я хотела избавиться от львиной доли ненужных вещей, и сестра, снова рассовывающая «такие красивые платица» по шкафам. — Огневики вспыльчивы. Воздушники легкомысленны и не любят сидеть на месте. Водники?

— Водники чувственны и меланхоличны, — жеманно изрекла Джейн, прижав к груди дамский роман, который вытащила из-под подушки.

— Ну, не знаю, как насчет чувственности, — заметила я, — но мист Ворт, владелец рыбных лавок в Брэдфорде, водник. И он вполне бодр и весел.

— А еще лыс, толст, невысок, и у него такие премиленькие рыжие усы щеточками. Можешь представлять его, когда читаешь свою книжку.

— Фу, — надулась было Джейн, но не удержалась и захохотала вместе с нами.

— В общем, Эмма, я думаю, ты или маг воздуха, или воды, или...

— Менталист, — закончила Лиз. — Про этих вообще ничего нельзя сказать наверняка.

Мы болтали, пока в коридоре не раздались тяжелые шаги. Дверь открылась, явив нам мэтрисс Шульц во всем ее великолепии.

— Девочки, — едва заметный кивок то ли в качестве приветствия, то ли в подтверждение своих догадок, — мисси Дженкинс, вас ждут в кабинете доктора Алистера.

Мне оставалось только встать и проследовать за нашей директрисой навстречу своему туманному будущему.

Ночь выдалась пленительной и идеально романтической. Во всяком случае, в романах, которые давала мне почитать Джейн, что-то такое упоминалось: «Воздух замер, окутывая теплой прозрачной вуалью». И аромат сирени тоже «пронизывал» и «окутывал». И соловьиные трели тоже присутствовали. И все это ужасно мешало спать. Я вертелась с боку на бок, то скидывала одеяло, то натягивала его по самые уши. Из головы не шли события прошедшего дня. Я снова оказалась в кабинете доктора Алистера, снова сидела на жесткой кушетке, док смотрел на меня с едва заметным беспокойством, а магестра неспешно пролистывала мою карту. Снова я слышала жалобный скрип кресла после того, как мэтрисс Шульц царственно расположилась в нем, предварительно закрыв дверь кабинета.

— Итак, мисси Дженкинс, думаю, вы уже поняли, что у вас открылся дар, — начала Грымза. Дождавшись моего кивка, она продолжила. — Пока мы не знаем его направления, но можем зафиксировать его уровень — полторы единицы. Нужно понять, что его спровоцировало. Подумайте и расскажите, какие изменения произошли с вами за этот год, физические и эмоциональные: болезни, потрясения, несчастные случаи?

И она принялась сверлить меня взглядом.

Потрясение в моей жизни было, но давнее и всего одно: гибель родителей. А этот год спокойный и счастливый. Травм и болезней, кроме легкой простуды зимой, не могла припомнить, а вот с физическими изменениями... Я покраснела и пробормотала:

— У меня начался женский цикл...

Однако ответ, как ни странно, вполне устроил магсестру.

— Да, это могло спровоцировать процесс, — кивнула она, немного подумав. — Какие-нибудь изменения в привычках, увлечениях, характере?

Глаза-колючки снова впились в меня.

— Нет.

— Мэтрисс? — теперь вопрос относился к директорисе.

— Нет, Эдна. Ты знаешь, как серьезно я отношусь к своей работе, — внушительный голос мэтрисс Шульц, казалось, заполнял пространство кабинета. — Я бы сразу увидела, если бы что-то было не так. Я же не упустила тебя в свое время. У Эммы нет никаких внешних признаков. Это я могу гарантировать. Она все так же старательна, вдумчива, спокойна, озорничает не больше, чем положено девице в ее возрасте. Тем удивительнее наличие у нее дара. Какой, говоришь, у нее уровень?

Грымза Эдна быстрыми шагами подошла ко мне, требовательно надавила пальцами на те же точки — солнечное сплетение и лоб чуть выше переносицы.

— Четкое расширение ауры до одной с половиной единицы. Но ни направление, ни ось установить невозможно, — произнесла она, изучая мой

лоб. — Очень нехарактерная картина. Я собираюсь рекомендовать ее для перевода в Распределитель.

Кажется, на моем лице отразился ужас, потому что директриса наклонилась ко мне и ободряюще похлопала по руке.

— Мистресс Глостер, голубушка, так ли это необходимо? — включился молчавший до этого доктор Алистер.

Магсестра поджала губы.

— Действительно, Эдна, — поддержала дока мэтрисс Шульц, — для девочки это такой стресс, дар неясен, уровень пока не так критичен. Я могу наблюдать за ней и при первых тревожных признаках сразу сообщу в Контроль. Эдна, я прошу.

Только мэтрисс Шульц могла упрашивать об одолжении с таким достоинством.

— Ну хорошо, — наконец процедила сквозь зубы Грымза. — Пока я оставляю мисси Дженкинс в школе под вашу ответственность. Но через три месяца она будет обязана пройти полный осмотр. Если уровень увеличится, то она немедленно будет переведена в распределитель.

Я выдохнула. Оказывается, все это время я почти не дышала. Три месяца... Даже в худшем случае у меня есть отсрочка, а там, глядишь, и дар расти не будет, я закончу школу с Лиззи, мы будем помогать па в его деле...

— Эмма, ты можешь быть свободна, — ворвался в мои мысли голос директрисы. — Да, не пиши пока мастеру и мэм Барнет, я сама поставлю их в известность.

— Да, мэтрисс, до свидания, доктор, мистресс, — я пулей вылетела из кабинета, спеша поделиться

Елена Добрынина

новостями с Лиззи. Остаток дня прошел в приятных повседневных делах. И спать я легла с легким сердцем. Но вот заснуть не смогла. И теперь ворочалась, пряча голову под подушку от соловьиного пения. И только когда начала вспоминать прочитанный параграф из учебника истории, сон все-таки пришел.

Это мой любимый сон. Мне лет двенадцать, и я играю со своими друзьями-мальчишками. Сегодня мы стреляем из луков, а потом скачем на лошадях наперегонки. Ощущение полета, бесшабашного веселья, приятной усталости и радость от того, что рядом друзья — те, кому можно доверять. Я пеняю парням на то, что они поддавались, не пуская лошадей в полный галоп, а ведь я уже могу быстрее. Они хохочут, отнекиваясь, призывают в свидетели Источник, но пальцы за спиной держат в отвращающем знаке. Я люблю эти сны, они такие живые и намного лучше книг о приключениях, которые я читаю. Ма говорит, что мне не хватает приключений в обычной жизни, и мое подсознание посылает такие сны. Наверное, она права. Но это к лучшему: пусть такие авантюры мне только снятся. Так безопаснее: я всегда могу проснуться. Жаль только, я не знаю, как зовут друзей из моего сна...

ГЛАВА 2

«*М*елисса бросилась было к выходу, но грозная тень прислужника замаячила в дверном проеме. Она в ловушке! Что же делать? Неужели все пропало и все старания были тщетны? Она попробовала призвать силу ветра, но магия в этом проклятом месте не действовала».

— Эмма! Эмма-Эмма! — раздался снизу голос Лиз. — А, вот ты где! Как ты туда забралась-то? А, вижу. Я к тебе.

Эх, а я так хотела поскорее узнать, как спасется Мелисса. Но книгу пришлось отложить.

Через пару минут Лиз, пыхтя, забралась ко мне на дерево, на соседнюю ветку. Да, я прекрасно устроилась на одной из яблонь в заброшенном имении по соседству и наслаждалась погодой, ароматом цветов, книгой и тишиной. Улизнула я сюда после завтрака: выходной, и мы предоставлены сами себе.

— Как же хорошо! — Лиззи пригнула к себе веточку и вдохнула упоительный аромат. — Совсем скоро лето, жизнь прекрасна! Надо только сдать эти демоновы экзамены. Что читаешь? Опять эти сказки? Ну, это лучше романов, которыми увлекается Джейн.

Я заглянула как-то в один из них: «я плавилась в его объятиях, тонула в его глубоких синих очах». Кошмар. Лучше уж еще раз перечитать папины «Основы ведения хозяйства». А у тебя про что?

— Приключения. Главная героиня сейчас в ловушке, магия не работает!

— Могу поспорить, ее спасет герой! И героиня тоже будет тонуть и плавиться и в конце обязательно выйдет замуж...

Пророчества Лиз прервал удивленный присвист. Только сейчас мы заметили двух мужчин, которые шли по дорожке напрямиком к нашему дереву.

— О, Степлтон, смотри! В твоём саду, кажется, поселились дриады. Доброе утро, дивные создания!

Конечно, нас застали врасплох, но уловить главное мы сумели и синхронно ахнули:

— Степлтон?

— Да, мисси, разрешите представить моего дорогого друга миста Джона Степлтона. Двоюродный дядюшка, мир его праху, оставил ему в наследство имение, где мы и имеем счастье вас лицезреть.

Я не увидела того, кто это сказал: его скрывала ветка яблони, и с моего места я могла рассмотреть только запыленные дорожные сапоги. А вот сам «дорогой друг» был виден прекрасно: невысокий упитанный брюнет с круглым добродушным лицом. Он казался смущенным — то ли такой фамильярной рекомендацией, то ли тем, что встретил в своем имении незаконно пробравшихся туда девиц.

Ну что ж, придется извиниться за вторжение, слезть с дерева, стараясь не терять при этом достоинства, что не так просто, когда за вами наблюда-

ют, и гордо удалиться, желательно не через дыру в заборе.

— Очень приятно, мист Степлтон, — Лиз права: вежливость прежде всего.

— Мист Эверт Диксон, мисси, к вашим услугам.

Вот это да! Оба маги. Мне захотелось рассмотреть того, кто представился, Диксона. Я наклонилась, чтобы ветка не мешала. И сделала это абсолютно зря: лучше бы так и сидела, опустив глаза, как монашка. Но что сделано, то сделано: я его рассмотрела. Хуже того, я сразу узнала эту нахальную, самодовольную физиономию.

Дело было на ярмарке в честь Начала Года, который мы празднуем в конце зимы, в то самое время, когда еще холодно, но воздух уже пахнет весной, и солнце целует щеки тепло и дружелюбно. В каждом доме целую неделю продолжают гулянья, пекутся масляные пышки-солнышки, призывающие весну. Лиззи в этом году не повезло, накануне праздника она заболела ангиной и лежала дома. А я вместе с нашими соседями, мастером и мисси Хиггис и их двадцатилетней дочерью Аннабель, поехала на ярмарку в Брэдфорд: это крупный город, и он недалеко от нашего Эрквуда. Разумеется, я обещала привезти сестре гостинцев.

Стояла чудесная погода. Солнце грело уже почти по-весеннему и само походило на большую лакомую

пышку. Веселье было в разгаре. Карусели, шатры с лакомствами и сувенирами, игры, шуточные соревнования! Но царицей ярмарки была, конечно же, ледяная гора: она возвышалась над городом. Маги-водники постарались на славу. Их творение поражало и размерами, и орнаментом: гора, покрытая по бортам тонкими и затейливыми снежными узорами, сверкала и переливалась. Хохот, визг, пестрый поток взрослых и детей, летящих с горы, — как же мне хотелось оказаться там, с ними!

Мастер Хиггис проголодался и решил остаться вместе с супругой в ресторане на открытом воздухе, тем более что там уже обедала компания старых друзей семьи. А нас с Аннабель отправили «повеселиться». Оказалось, это сложно: Аннабель явно искала в толпе кого-то. Очень быстро стало понятно, что этот кто-то — долговязый молодой мужчина со смешными усами. У обоих были такие воодушевленные лица, что сомнений не осталось: я здесь лишняя. Слушать воркования влюбленной парочки не было ни малейшего желания. Мы договорились встретиться у лавки с жареными каштанами через час. Куда направилась радостная парочка, я выяснять не стала, зато точно поняла, куда хочу сама: сначала кататься с ледяной горы, а потом пройтись по рядам, купить пышек с вареньем, карамельных яблок и гостинцев для сестры. Глазая по сторонам, я поднималась на гору по синей узорной лестнице. Меня обгоняли мальчишки в лихо заломленных шапках и румяные девочки-гимназистки в одинаковых темных пальтишках. Здесь были все: и влюбленные парочки, и отцы семейств с детишками, и даже почтенные матроны

с воспитанниками. Почти на самом верху расположилась шумная компания студентов Магакадемии. Их было легко узнать по взмывающим в воздух огням маленьких фейерверков, снежным вихрям, летающим с ладоней, крошечным смерчам, а еще по хохоту парней, разгоряченных пуншем, и залиvistому смеху девушек. От шуточек, которые до меня донеслись, запылали уши.

Я прошествовала мимо и подошла к лавке, которая примостилась почти на самом верху: здесь выдавали ледянки — подушки для катания с горы, круглые, как плюшки, и покрытые снизу магическим льдом. Не успела я с ледянкой подойти к краю, как меня опередили те самые шумные студенты, обдав ароматами пряного пунша, конфет и цветочных духов. С удивлением я смотрела, как они наколдовали ледянки из воздуха и снега, и парень с девушкой — видимо, водники — быстро их заморозили. Затем маги с улюлюканьем попрыгали в них и, хохоча и сталкиваясь бортами, помчались вниз. А вот после них уже поехала я. И поняла, что такое настоящее волшебство: свист в ушах, свежая ледяная крошка в воздухе, морозный ветер в лицо, ярмарочные огни, которые слились в поток цвета и света, отражаясь в зеркале льда. Когда ледянка остановилась, я еще секунду сидела неподвижно, стараясь продлить эти мгновения абсолютного восторга. А затем встала, чтобы подняться на гору снова.

И меня что-то сбilo с ног и отбросило в сугроб. Пока я летела, успела услышать раскатистое «зарр-раза», а дальше снег залепил уши и глаза, и реальность на время исчезла. Не сразу я осознала, что

могу шевелить ногами и руками, нога ноет — видимо, я ушиблась — и что мне холодно. А потом с ужасом поняла, что застряла в сугробе на центральной площади города в самый разгар праздничных гуляний, моя зимняя бархатная юбка задралась, и отдыхающий люд любит меня моими рейтузами. В панике я бестолково задергалась, задела кого-то ногой и начала барахтаться еще отчаяннее. А затем чьи-то руки ухватили меня за талию и выдернули из сугроба, как морковку из земли на грядке.

«... Эту вольность. Но не тащить же вас за ногу», — это были первые слова, что я услышала. Мне придали вертикальное положение и поставили на землю. Передо мной стоял студент, маг (это отметила первым делом, взгляд уперся в пуговицу форменной шинели), выше меня примерно на голову. Я задрала подбородок, чтобы рассмотреть его лицо. И что я увидела? Этот тип, прости Источник, едва сдерживал смех! Нет, голубые глаза его смотрели вполне участливо, но уголки губ то и дело подрагивали.

— Голова не кружится, лекарь не нужен? — как-то уж совсем по-свойски спросил он.

— От вас мне не нужна никакая помощь! — заявила я, гордо потряхнув головой.

Незнакомец насмешливо приподнял бровь, чем разозлил еще больше. Я попыталась шагнуть в сторону. Оказалось, это сложно сделать, если твоя рука судорожно сжимает рукав того, от кого хочешь отшатнуться. Еще сложнее оказалось сохранить презрительное выражение лица, когда опять теряешь равновесие и утыкаешься носом в грудь своего визави, чтоб демоны ему пятки щекотали!

— Не то чтобы я не пользовался успехом у дам, — кажется, он еще и доволен, — но юная мисси впервые падает в мои объятия через минуту после знакомства.

— Я жду ваших извинений, — я постаралась произнести это ледяным тоном, но голос предательски сорвался и прозвучал жалобно.

— А разве их недостаточно? — удивился студент.

— Нет, — уточнять, что не разобрала его слов, потому что в сугробе скверная акустика, я не стала.

— Ну что же. Приношу свои извинения за то, что оказался таким сногшибательным, и вам не удалось передо мной устоять!

— Что? Да вы издеваетесь! Самовлюбленный болван! — Мои пальцы сжались, из глаз брызнули злые слезы. — Идите кривляйтесь перед своими, — я махнула рукой в сторону оживленной компании студентов, — они оценят.

Я резко повернулась и пошла прочь, но успела услышать, как тип пробормотал себе под нос: «В отличие от вас!»

— А воробушек-то с характером! — донеслось откуда-то сбоку, со стороны зевак, которые следили за происшествием, попивая пунш.

— Мисси, я не хотел вас обидеть, только подразнить слегка, прошу простить, — виновник моего позора в два счета догнал меня и загородил дорогу. Теперь в его голосе не слышалось насмешки: — Могу я загладить свою вину?

В глазах и в самом его тоне не было ни прежней фамильярности, ни насмешки. Но облегчения это почему-то не принесло. Скорее, наоборот.

— Можете, — все мои силы уходили на то, чтобы держаться холодно и гордо, — оставьте меня в покое. Не имею желаний вас видеть.

— Ну что ж, — он обозначил легкий поклон, — тогда обещаю не досаждать вам своим присутствием, пока вы сами об этом не попросите.

Вот и поговори с таким... Досада не исчезала. К тому же я вдруг поняла, как неряшливо выгляжу: верхние пуговицы полушубка расстегнуты, медальон, который я носила на шее, лежит поверх полушубка, а щеки, лоб и нос — мокрые от снега. Я торопливо провела ладонью по лицу и, зажав медальон в руке, не отказала себе в удовольствии оставить последнее слово за собой:

— Надеюсь, слово вы держите лучше, чем извиняетесь.

— Уж будьте уверены, воробушек.

— Вы опять? Извольте выполнять обещанное! — на этом я, наконец, удалилась.

Я сделала пару шагов, как вдруг на мои пальцы, до сих пор сжимающие медальон, капнула кровь. Я приложила ладонь к носу: так и есть, небольшое кровотечение, следствие волнения. Со мной давно уже такого не случалось, хотя после гибели родителей бывало частенько. Хорошо, что никто не заметил. Как могла, на ходу привела себя в порядок. О возвращении на гору речи не было. Меня до сих пор трясло от возмущения. Я решила пройтись по ярмарочным рядам, побаловать себя горячим угощением, а затем купить подарок Лиззи. Уже гораздо позже, дома, когда я рассказывала сестре о случившемся, и она, смеясь, спросила: «Он хоть был хорош собой?», поняла: да, хорош. Если бы не это, возможно, я злилась бы меньше.

Вот так произошла наша первая встреча.

А сейчас я сидела на яблоне, гадая, что лучше: спрятаться за книжкой в надежде, что меня не узнают, или сделать вид, что это я его не узнаю. Ну вот не помню. Забыла, и все тут. Эверт Диксон, надо же.

— Мист Степлтон, мы с сестрой приносим свои извинения за то, что воспользовались вашим садом без разрешения, но дело в том, что нам совершенно негде уединиться, — Лиз потупила взгляд, одновременно подавая мне знаки: не спи, вступай в беседу. Но я снова раскрыла книжку и трусливо уткнулась в нее носом.

— Видите ли, Эмма у нас такая трепетная романтическая натура, а у вас такой красивый сад, — в отместку за этот саботаж пропела так называемая сестра. Пришлось снова захлопнуть книгу и, наконец, взглянуть на молодых людей, пока Лиз не выставила меня еще большей дурочкой. Не очень глубоко уважаемый мною мист Диксон почти не изменился с зимы, только волосы его сейчас были аккуратно уложены, и вместо зимней форменной шинели на нем красовался коричневый дорожный костюм. Означенный выше субъект, в свою очередь, разглядывал меня, видимо, силясь вспомнить, где он меня видел. Я презрительно хмыкнула. Субъект просиял:

— О, вот теперь я вас узнал. Счастлив снова вас видеть, воробушек, в более привычной вам среде обитания, — он обвел рукой крону яблони, на которой мы сидели.

— Не могу ответить вам тем же, — как можно сдержаннее постаралась произнести я и поспешила объяснить ситуацию мистру Степлтону. — Нам уже приходилось встречаться с мистром Диксоном, и мы оба не в восторге от этой встречи.

Последний хотел было возразить, но почему-то передумал.

— Лиззи, кажется, нам пора возвращаться в школу, — обратилась я к сестре, которая с интересом смотрела то на меня, то на мужчин.

— Да, да, Эмма, ты абсолютно права, мы и так чересчур злоупотребили вашим гостеприимством, — кивнула она магам. — Вы не поможете нам спуститься?

Самая милая улыбка была отправлена молодому хозяину поместья.

— О, конечно, — с легким поклоном с готовностью он снял с ветки Лиз, бережно придерживая ее за талию.

Диксон же, демона ему под одеяло, только вопросительно посмотрел на меня.

— Я справлюсь сама, — поспешно сообщила я ему.

— Ничуть в вас не сомневался, — улыбнулся он.

Получилось почему-то обидно. Тем не менее я быстро убрала книгу в карман платья и полезла вниз. Оставалось всего ничего — повиснув на ветке, нащупать ногой хорошо знакомый сучок, спрыгнуть, и вуаля, я внизу. Но именно этот миг выбрал демонов сучок, чтобы окончить свое существование. Легкий хруст, и я лечу прямо на одного самодовольного типа. Тот, надо признать, очень ловко меня подхватил и поставил на землю.

— Снова и пяти минут не прошло с момента встречи, а вы в моих объятиях. Вы слишком падки на меня, воробушек.

— Не смейте называть меня так! — я отпрянула, уши и щеки мои пылали от злости и смущения.

— Не пугайте девушку, Эверт, она не привыкла к вашим шуточкам, — улыбаясь, произнес Степлтон. — Мисси Эмма, не принимайте близко к сердцу, Диксон отличный малый, но порой излишне насмешлив.

— Вы не проводите нас? — это Лиззи снова изображает белокурую фею, чтобы сгладить неловкость.

— Как можно отказать таким прелестным мисси?

— Вы надолго в наши края? И, если не секрет, каков ваш дар? — Лиззи фонтанировала вопросами, как Источник — силой. И мы очень быстро узнали, что мист Степлтон сейчас в имении лишь проездом — они с другом решили совершить конную прогулку и заодно осмотреть наследство. Что заняться им вплотную он сможет, лишь когда окончит Академию, а произойдет это в следующем году. Что он маг жизни. Нет, не целитель. Специализируется на не столь интересной отрасли, а на возвращении растений. Тут глаза Лиз алчно сверкнули, и она вцепилась в Степлтона со всей своей деловой хваткой: па держит завод по производству продуктов питания, а также у него есть поля и теплицы. Все это сестра втолковывала своему собеседнику, пересыпая рассказ вопросами. Мы с Диксоном шли молча. Через минуту-другую он решил прервать молчание.

— А ваш отец чем занимается?

— Мои родители погибли. Давно. Я живу у дяди с тетей.

— Значит, у нас с вами больше общего, чем вы думаете, — после некоторого молчания отметил этот по-прежнему неприятный тип.

Я промолчала. Что тут скажешь? Ни один ответ не будет к месту.

— Эмма, представляешь, мист Диксон — менталист! — воскликнула Лиз.

Я недоверчиво покосилась на мужчину, шагающего рядом со мной. Было чему удивиться. Во-первых, ось дара «разум — чувства» была самой редкой среди всех магических осей. И хорошие менталисты ценились на вес золота. Естественно, никто из них не мог избежать государственной службы. Нередко в особых подразделениях. Во-вторых, образ Эверта Диксона настолько не вязался с моими представлениями о менталистах, холодных, контролирующих каждый свой шаг и слово, все просчитывающих заранее, что поверить в услышанное было трудно.

— Менталист? Вы?

— Не похож?

Я покачала головой. И тут же насторожилась.

— А вы не...

— Я не читал ваши мысли. И не смотрите на меня с таким укором. Во-первых, это не совсем законно, во-вторых, ваши мысли и так написаны у вас на лице, а в-третьих, если бы я это сделал, вы бы ощутили вот это, — он внимательно посмотрел мне в глаза.

У меня защекотало в голове. Изнутри. Очень странное ощущение — забавное и незаметное, если не был к нему готов.

— Запомнили? Если почувствуете это рядом с кем-то, можете сразу устраивать скандал. И да, спасибо, мне тоже нравится цвет моих глаз!

— Вы невозможный, — признала я неожиданно для себя самой.

Диксон, улыбнувшись, развел руками.

— Вы будете служить? — решила я сменить тему.

— Придется, это мой долг. Но я точно знаю, чем займусь, когда отдам его: буду целыми днями бродить по городу и читать мысли юных мисси.

— Вы опять подшучиваете надо мной.

— Лучше уж шутить, чем плакать, не так ли? — произнес мой собеседник, не глядя в мою сторону.

Молодые маги проводили нас до ворот, и распрощались мы вполне по-дружески. Мист Степлтон разрешил приходить в яблоневый сад, когда нам будет угодно, даже обещал повесить там качели. Всю дорогу до школы Лиззи восторгалась тем, что завела такое полезное знакомство.

После обеда я, вспомнив об отложенной книге, снова открыла ее на том месте, где остановилась: «Она попробовала призвать силу ветра, но магия в этом проклятом месте не действовала. Мелисса уже готовилась дорого продать свою жизнь, как вдруг прислужник упал, пронзенный стрелой, и девушка увидела его...»

Кажется, Лиз была права: все эти истории — сущие глупости.

Мне снова снится яркий сон. Я на опушке леса, где мы иногда играем с друзьями. Но сегодня мне не везет: я оказываюсь в компании враждебно настроенных свер-

Елена Добрынина

стников. Они что-то кричат мне: судя по злым лицам, это что-то малоприятное. Слышу я плохо, урывками, словно плаваю под водой и только иногда выныриваю на поверхность.

Они обступают меня кольцом и насмеваются, бросают в лицо какие-то обвинения. Я могу разобрать только «пустышка» и еще, кажется, «ублюдок». Они сбивают меня с ног воздушными вихрями, бросаются огненными шарами, прожигая дыры в одежде и опалая волосы. Я не выдерживаю и кидаюсь на одного из них, успеваю приложить его кулаком так, что костяшки пальцев обжигает боль. Уже готовлюсь к новому раунду неравного боя, но вдруг мои противники неожиданно отступают.

Я замечаю на опушке друзей и бегу к ним со всех ног. Картинки мелькают, как в калейдоскопе. Вот двое наших готовятся вступить в драку: над рукой одного из них небольшой водяной смерч, другой прижал ладонь и колено к земле. Третий вышел вперед и что-то кричит моим врагам: «Если еще раз попробуете, за себя не ручаюсь», — потом застывает на мгновение, и недоброжелатели в панике бегут. А я повисаю на руке четвертого — темноволосого мрачного юноши, который сосредоточенно смотрит вслед убегающим. Он сжимает в кулаке камень. «Не надо, пожалуйста!» — шепчу я. Он разжимает ладонь, и на землю осыпается серый пепел.

ГЛАВА 3

чем омрачено начало лета у старших школьников? Конечно, экзаменами. Слава Источнику, большинство из них мы уже сдали, остался последний рывок, но какой! История родного государства у мэтрисс Шульц.

Сейчас все ученицы с унылым видом зубрили историю: списать у мэтрисс Шульц просто невозможно. И я, сидя на кровати, в который уже раз перечитывала один и тот же скучнейший параграф о смене режима правления, который произошел чуть больше ста лет тому назад.

В конце второго тысячелетия от возникновения Источника в Бретонском королевстве сложилась нестабильная ситуация: технический прогресс сконцентрировал капитал в руках буржуазии. Сила Магического Источника продолжала уменьшаться, и людей с магическим даром рождалось все меньше. Даже в знатных семьях, известных своей родовой магией, нередко появлялись на свет дети без дара. Все это привело к тому, что монархия, издревле опирающаяся

на поддержку отмеченных силой Источника аристократических родов, оказалась в шатком положении. Его величеству Вениамину Четвертому пришлось ограничить свою власть, передав часть своих полномочий Парламенту, в состав которого в равных долях входили представители магического и немагического сообщества. В последующие десятилетия ситуацию усугубили внешние обстоятельства. Значительное политическое, экономическое и культурное влияние на Бретонское королевство оказали соседние страны. Это Риона, в которой незадолго до указанных событий произошла революция, а также республики Неймария и Карилия. Ситуация достигла пика, когда на престол возшел Ригард Второй. Не имея прямых наследников и понимая, что страна на пороге гражданской войны, он заключил беспрецедентное соглашение с Парламентом. Он заявил о готовности провести ряд кардинальных реформ: упразднение сословий, расширение полномочий служб Магконтроля (отныне магически одаренные лица должны были вставать на учет), запрет на применение в общественных местах магии выше четвертого уровня без специального разрешения). Период правления Ригарда Второго ознаменовался плавным переходом от монархии к республике. После кончины монарха политическое устройство было официально изменено, и Бретонское королевство стало называться республикой Бретонией.

Читая все это раз, наверное, в шестой, я поняла, что этот параграф учебника застрял в голове словесной жвачкой: мысли разбегались куда угодно, только

бы подальше от исторических премудростей. Поэтому я очень обрадовалась, когда в комнату вошла Лиззи, держа в руках вскрытый конверт из плотной белой бумаги.

— Мама прислала письмо! — радостно сообщила она, плюхнувшись ко мне на кровать, и мы принялись читать.

Ма писала, что мэтрисс Шульц разговаривала с ней по лонгофону, па настояя, чтобы у нас в доме было это новомодное изобретение, и сообщила, что у меня открылся дар непонятого пока свойства. Ма была бесконечно удивлена, но в письме было столько слов поддержки для меня, что на сердце стало тепло и радостно. Еще ма сообщала, что сразу после экзамена (уже завтра!) придет Харриса, чтобы он доставил нас в Эрквуд.

Настроение сразу поднялось. Учебники были временно отложены, и мы с Лиз кинулись собирать вещи.

Харрис прибыл после обеда, когда мы с Лиз уже изнывали от нетерпения. Мы выбежали навстречу и бросились в надежные и такие знакомые с детства объятия. Старый добрый Харрис в вечном клетчатом пиджаке, пропахшем табаком и сладковатым одеколоном, с ласковой улыбкой, спрятанной в пышных усах. Он так прочно ассоциировался с домом, что казался его добрым духом.

— Ну, стрекозки, вы уже готовы? Вижу-вижу, что готовы. Уж как родители-то вас заждались. Собирайтесь, я только к директрисе вашей зайду, и поедем.

Мы не заставили себя упрашивать, и уже через четверть часа наш магикар отправился в путь.

Болтая, мы с Лиз не отказывали себе в удовольствии глазеть в окна. Старинные дома с колоннами и лепниной сменялись совсем новыми, с большими необычными круглыми окнами и причудливой росписью. Одни были огромные, словно замки, другие совсем маленькие, но абсолютно все утопали в свежей зелени садов и клумб. Широкие поля пшеницы, холмистые луга для выпаса скота, множество теплиц; все это — южная часть Бретонии, где мы с Лиззи родились и выросли. Изредка нам встречались магикары, чуть чаще — конные экипажи. Пару раз до нас долетел приветственный гудок паровика, а недалеко от Брэдфорда мы увидели, как в небе пролетел цеппелин из Лиденбурга — нашей столицы. Конечно, мы, к неудовольствию Харриса, высунулись из окон, чтобы помахать цеппелину вслед рукой. Радуюсь всему и подпрыгивая от нетерпения, мы, наконец, достигли родного Эрквуда.

Как только ворота открылись, в доме началась суматоха: забежали пострелята, помогающие в доме и саду, застучали каблучки в холле, и на площадку перед домом выбежала ма — все такая же красивая, в темно-синем платье по новой моде, без единой пуговички. Ее волосы волнами ложились чуть ниже плеч. Как всегда при взгляде на нее меня охватил вихрь чувств: радость от долгожданной встречи, восхищение ее красотой и душевным теплом, которое она излучала, а еще грустная нежность — она была очень похожа на мою маму.

— Джим, спускайся скорее, девочки приехали! — крикнула она, глядя вверх. Значит, па работал в своем кабинете на втором этаже.

— Ах, ну дайте же скорее вас обнять. Как вы доехали? Харрис, вы поможете поднять наверх их вещи? — Когда на крыльце показался па, мы обе уже были затисканы, зацелованы, рассмотрены со всех сторон, выслушали охи и ахи по поводу того, как мы выросли и похорошели.

— И кто же это к нам пожаловал? — не успел па это сказать, как Лиззи с радостным воплем бросилась к нему, чуть не сбив с ног. Но па был крепок, статен и точно готов к такому повороту событий. Пока Лиззи висела на его мощной шее, он одной рукой прижал ее к себе, а второй сделал приглашающий знак, и я присоединилась к объятиям.

За столом, когда волна радостного возбуждения от встречи схлынула, речь, конечно, зашла о моем, прости Источник, даре.

— Это очень неожиданно, — начала ма, аккуратно подбирая слова. — Я абсолютно точно знаю, что в нашей семье не было магов. Ни у меня, ни у Дженны даже искорки дара не нашли. Что до Эдварда, то он, кажется, упоминал, что когда-то были у них в роду маги, но так давно, что только предания об этом сохранились. Но, милая, не переживай: даже если выяснится, что твой дар растет, мы выберем самую лучшую... специальную школу для тебя, все будет хорошо, правда, дорогой?

— Давайте не будем торопить события, — рассудительно продолжил па. — Кто знает, может, твой дар, Эмма, еще сыграет нам на руку: а ну как окажется, что ты — маг жизни, способный ухаживать за растениями или насыщать еду полезными веществами! Хорошее будет нам подспорье! —

Надо отметить, мыслил па в том же ключе, что и его дочь. — Мы еще найдем время поговорить об этом.

Чуть позже, когда мы разошлись по своим комнатам, чтобы переодеться и отдохнуть с дороги, я подошла к письменному столу, достала из ящика плотный конверт с фотографическими карточками. И долго сидела в кресле, перебирая их. С карточек на меня смотрели красивая стройная молодая женщина с тяжелыми темными волосами, уложенными в высокую прическу, статный худощавый брюнет, с нежностью держащий ее за руку, и девочка, сидящая между ними. На обратной стороне карточек значилось: «Эдвард и Дженна Дженкинс и их дочь Эмма».

— Я так по вам скучаю, — прошептала я.

Мои родители погибли, когда мне было восемь. Они возвращались из Лиденбурга, куда ездили по папиным делам, на цеппелине. При посадке что-то пошло не так, и прогремел взрыв. Никто не спасся. Я в это время гостила у дяди Джима и тети Мэгги в Эрквуде. Мы с Лиззи, подключив местную детвору, как раз репетировали какую-то героическую пьесу, когда нам сообщили обо всем. Я помню свое недоумение, когда рыдающая тетя прижимала меня к себе и все повторяла «бедное дитя», помню жалостливые взгляды всех знакомых — и детей, и взрослых. Помню похороны, поминки. Нигде я не проронила ни слезинки. Но каждый седьмой день недели, день, когда прилетает из столицы цепеллин, я выбегала из ворот и ждала, ждала до самого вечера, и никакая сила не могла заставить меня уйти. Так продолжалось несколько месяцев,

пока однажды я не поняла: они не придут. И тогда пришла боль.

Я не люблю вспоминать, что было потом. Только нежность и любовь тети и дяди да поддержка Лиз помогли мне справиться с горем. Никогда, ни на одно мгновение, несмотря на гибель родителей, я не чувствовала себя сиротой. И позже, когда время притупило боль утраты, сама стала называть родителей Лиз не дядей и тетей, а па и ма.

Вернув конверт с карточками на место, я едва успела сменить дорожное платье на домашнее, как раздался стук в дверь и на пороге появилась сестра.

— Пойдем вниз, мама к нашему приезду торт испекла, твой любимый, клубничный, по рецепту тети Дженны, — сказала она, взяв меня за руку, — а еще у нее розы расцвели, какой-то новый рионский сорт, магически обработанный, ужасно дорогой, пойдем, посмотрим.

Она легонько сжала мою руку, подбадривая.

— Целое лето впереди, как здорово! — и каблучки Лиз застучали по ступенькам. Я улыбнулась и пошла следом.

Вечером, когда мы пили чай в малой гостиной, па поинтересовался:

— Ну, девицы-красавицы, каковы ваши планы на лето? — в том, что они есть, он ни капли не сомневался и правильно делал — сам же нас воспитывал.

— Ой, папа, сейчас расскажем, — начала, как обычно, Лиз, переглянувшись со мной. Это мы обсудили до мелочей. — Мы будем тебе помогать.

— Вот как? — ухмыльнулся в усы па. — Зачем же вам это?

— А затем, — продолжала Лиз, — что мы решили, чем хотим заниматься после того, как окончим школу.

— Ну-ка, ну-ка!

— Мы хотим, — лукаво улыбнулась я, — открыть кондитерскую!

— Кондитерскую! — задумчиво пожевал губами па. — Это, барышни, очень хлопотное дело. Капитал, опять же, брать где-то надо.

Пришла пора показать серьезность наших намерений.

— Па, мы все продумали.

— Мы будем закупать у тебя муку, масло и прочие продукты. Изучим, где можно раздобыть остальное.

— Рецепты тортов и пирожных мы возьмем для начала из маминой кулинарной книги, она любила придумывать что-нибудь особенное.

— Мы будем работать у тебя и скопим капитал. Если его не хватит, возьмем из нашего приданого.

— Тише-тише, ишь разгалделись, — засмеялся па и в шутку вскинул руки для защиты. — Ну что ж, галчата, вижу, вы настроены решительно. Давайте сделаем так: пока вы отдохнете, погуляете, воздухом подышите. А вот через недельку, если не передумаете, приставлю вас к мастеру Брейди в лавку, будете на подхвате. А дальше видно будет. Идет?

— Идет! Как здорово! Спасибо! — и мы, вскочив с мест, побежали обнимать па.

Поработать в лавке нам удалось: сначала мы взвешивали и собирали заказы, а потом и сами стояли за прилавком, встречая покупателей. И управляющий

не мог нарадоваться на Лиззи: она приветливо болтала с покупателями, нахваливала товар, но всегда аккуратно пересчитывала деньги. У меня выходило не так бойко: я быстро терялась, если покупатели были раздражены или грубы. Мне больше нравилось изучать отчеты, договоры и хозяйственные книги. Но почему-то именно в те часы, когда за прилавком стояла я, к нам приходили крайне странные личности, желающие устроить скандал.

Особенно запомнилась одна озлобленная неряшливая женщина, стремящаяся получить назад деньги за якобы купленную пару дней назад в лавке голову сыра «Бретонийский». В пылу спора она позволила себе обозвать меня глупой курицей. Вместо того чтобы смутиться и принести извинения, я пришла в ярость. И именно от ярости вспомнила, что совсем недавно пересматривала записи о закупках, и никакого «Бретонийского» сыра там не значилось. Об этом я и сообщила мошеннице. Тут ко мне подошел мастер Брейди, положил руку на плечо и сказал, что я могу пока отдохнуть. А сам спокойно поговорил с женщиной, денег ей не дал, но угостил небольшим кусочком нашего нового сыра. Вот и пойми этих торговцев.

Через пару недель па сообщил, что берет несколько дней отпуска, и мы всей семьей выезжаем на воды в Саммервилль. Это была наилучшая новость. Саммервилль с его изящными белоснежными беседками и павильонами, песчаным морским побережьем и бьющими минеральными источниками был просто мечтой для того, кто хотел расслабиться и отдохнуть.

И я успокоилась, доверилась этому лету, этой жизни. Так ярко я видела свое будущее — новый учебный год в школе мэтрисс Шульц, работу у па. Видела, как мы с Лиз учимся в колледже, а потом покупаем помещение для нашей кондитерской, как нанимаем работников, как расставляем в витринах пирожные, торты и булочки. И радовалась этой спокойной, понятной, размеренной жизни до тех пор, пока в самом конце лета новое магобследование не показало две целых и две десятых уровня.

Я сидела в своей комнате на кровати, обхватив руками колени, и чувствовала, как весь мой уютный, знакомый мир рассыпается на кусочки, словно ваза, которую уронили на пол. В ушах стоял звон осколков, и я совершенно не понимала, как собрать их воедино.

О школе мэтрисс Шульц придется забыть: отныне мне прямая дорога в Распределитель, и один Источник ведает, чем это для меня закончится. Лиз, моя дорогая сестра, подруга, самый близкий мне человек — с ней мне тоже придется расстаться. Демоны бы побрали этот дар! Я никогда о нем не мечтала. Не помню, сколько я так просидела, пока не поймала себя на том, что сжимаю в ладони висящий на груди медальон и поглаживаю его большим пальцем — так я делала с детских лет, когда хотела успокоиться. Этот медальон носила мама — простенький, серебряный, с небольшим красным камушком и не очень

ровными завитушками. А вот в то злосчастное путешествие она его не взяла. После их с папой гибели я надела его на себя и снимала лишь изредка. Так мне казалось, что мама ближе, что она слушает меня и утешает.

Долго киснуть я не могла себе позволить. Знала, что внизу ма, па и Лиз переживают, хлопочут, пытаясь устроить меня наилучшим образом. Слышала, как па звонил по лонгофону, с кем-то разговаривал. Как потом ма тревожно его расспрашивала. Поэтому я заставила себя встать с кровати, умыться холодной водой и спуститься вниз.

Меня встретили встревоженным молчанием. Ма сразу распорядилась принести мне большую чашку успокаивающего отвара и теплую булочку с джемом.

— Ох, милая, как ты? — обняла она меня и повела к креслу в гостиной.

Лиз сразу пристроилась рядом и молча сжала мою руку.

— У нас есть для тебя новости, — ма выжидающе посмотрела на мужа.

— Да, Эмма, я переговорил с мэтрисс Шульц и мистресс Глостер, — при этих словах Лиз непонимающе посмотрела на па («с Грымзой», — шепнула я ей), — и они подтвердили нашу договоренность. С осени ты будешь учиться в лучшем отделении Маграспределителя, в пригороде Лиденбурга. Я поеду туда с тобой, чтобы помочь тебе устроиться.

Лиденбург! Это же так далеко! Я была в столице пару раз, и запомнилась она мне суматохой, величественными строениями и пронизывающим ветром

с Виенны. С другой стороны, какая разница, где находится школа, если я никого там не знаю?

Я равнодушно кивнула, соглашаясь.

— Мы будем приезжать к тебе на каникулах, — поторопилась подбодрить меня сестра.

Я недоуменно посмотрела на нее.

— Ну, па сказал, что в первый год воспитанников распределителя не отпускают домой.

У меня уже не было сил расстраиваться. Одной плохой новостью больше, одной меньше.

— Хорошо, — кивнула я, помолчав немного. — Когда нужно ехать?

— Ма растерянно переводила взгляд с меня на па и Лиз.

— Через три дня, малышка, — па подошел совсем близко, помог подняться, а затем, как в детстве, посадил меня к себе на колени, глядя по голове. — Доберемся на цеппелине до Лиденбурга, а оттуда на паровике и до Далвертона доедем. Когда бы еще выбрались? Поговорим по душам с директором, посмотримся, и, думаю, все окажется не так страшно. И даже принесет тебе пользу. И я сейчас не только об исследовании твоего дара. Ты знаешь, как я ценю мнение мастера Брейди. Вот кто умеет чувствовать людей! Разумеется, я беседовал с ним, чтобы узнать, как там дела у моих девочек.

Па хитро прищурился.

— Хотите узнать, что он о вас рассказал?

— Конечно! — Лиз сразу подобралась и замерла.

Даже я, несмотря на уныние, кивнула, теперь уже энергичнее.

Дядя Джим потрепал дочь по чуть растрепанным белокурым локонам.

— Он назвал вас «шкатулочками с сюрпризом». Знаете, были в свое время в ходу такие розыгрыши: дарили подарки, но так, что с первого взгляда и не поймешь, что же это такое. Протягивает, например, кавалер даме дешевую коробочку из тростника, бечевкой перевязанную. Дама в слезы, коробочку с презрением отвергает, а развяжи она бечевку, увидела бы колье из бриллиантов. Ну вот, и вы таковы, по мнению Брейди. Не то, чем кажетесь на первый взгляд. На Элизабет посмотришь — легкомысленная простушка, а приглядишься — такую не проведешь, она сама тебя в два счета переигрывает.

Па рассмеялся.

— «Учебник хозяйственных операций в розовой обложке», — так он, кажется, говорил.

Тут уже и я не выдержала и хихикнула, до того потешным было негодующее лицо сестренки.

— А вот про тебя, Эмма, он сказал так: «кинжал в холщовых ножнах». Ты молчаливая и кажешься робкой, а на самом деле ты боец. И я с ним согласен. Ты сильнее, чем думаешь, дочка.

От этих слов и от голоса, которым это было сказано, подозрительно защипало глаза, и я уткнулась носом в жилет па.

— И раз это так, а я уверен, что так, то стоит подумать: а место ли кинжалу в кондитерской лавке?

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Просто обещаю тебе подумать об этом. А к разговору мы вернемся чуть позже. Дорогая, не выпить ли нам отвара? — обратился па к супруге.

И та начала суетиться и распоряжаться о вечерней трапезе. Мой же отвар так и стоял нетронутым, и есть не хотелось.

— Я, пожалуй, пойду к себе, отдохну, — сообщила, вставая. О многом мне надо было подумать и многое для себя решить.

Мне казалось, этой ночью я ни за что не смогу уснуть — столько мыслей бродило в голове. Но не успела голова коснуться подушки, как усталость окутала меня тяжелым одеялом, укачивая, баюкая, унося в царство снов.

Мне снится на удивление теплый сон: ночь, мы с друзьями сидим у костра на лесной полянке. Мы жарим на палках кусочки хлеба, печем яблоки и рассказываем жуткие истории. Сейчас очередь моего мрачного друга, так я его про себя называю: он, как всегда, в черном, блики костра танцуют на его бледном лице. Он смотрит перед собой и начинает рассказ. Слов я почти не слышу, как бывает в подобных снах, но мне кажется, что это быль или легенда. От его рассказа всех нас пробирает тихий ужас. Ни звука, все притихли. В самый жуткий момент краем глаза я вдруг вижу, что к нам беззвучно приближаются белесые полупрозрачные фигуры. У призраков такие лица, что кровь стынет в жилах. Я кричу. Друзья вскакивают. В белесых летят камни и водные спирали. Ребята встают вокруг меня, я — за их спинами, и все готовы обороняться от кошмарных тварей.

И тут кто-то из ребят издает неуместные звуки — хрюканье, фырканье, а вскоре еще и гогот. Первый — рассказчик, а другой — наш заводила, высокий

Эмма Дженкинс

темноволосый юноша, который уже обратил противников в бегство в прошлом сне. Я ничего не понимаю, остальные тоже. Я кричу, пытаюсь толкнуть смеющегося в плечо, он, все так же хохоча, уворачивается, делает взмах рукой, и призраки пропадают, успев напоследок показать нам неприличные жесты. Так это был розыгрыш? Мы бросаемся к шутникам. Один хочет убежать, но спотыкается и летит на землю, продолжая, впрочем, смеяться. Второго настигает небольшая магическая тучка, основательно подмочившая ему репутацию. Я стою над тем, кто упал, все еще трясусь от негодования и недавнего страха и кричу:

— Эд, как ты мог, свинтус! Друг называется!

Так первый из моих друзей обретает имя.

ГЛАВА 4

Оставшиеся дни до отъезда пролетели быстро, словно картинки в синемаатографе. Я нагрозила себя таким количеством дел, что тосковать просто не осталось времени. Нужно было собрать вещи, написать прощальные письма бывшим одноклассницам (их должна была передать Лиззи), купить разные мелочи и школьные принадлежности, съездить к Хиггисам на день рождения Аннабель, помочь ма в оранжерее и па с бумагами. Словом, я готова была делать что угодно, лишь бы не останавливаться, не дать себе шанса расклеиться.

В назначенный день и час Харрис загрузил наш багаж в магикар, и мы попрощались с ма и Лиз. Сестра очень хотела проводить нас до цеппелина, но па не разрешил. «Ты нужна маме», — мягко, но непреклонно напомнил он. Я обещала писать так часто, как смогу, обняла их по очереди и села на заднее сиденье. Мотор взревел, и я нашла в себе достаточно сил, чтобы улыбнуться и помахать моим родным на прощанье. Когда кованые ворота закрылись за магикаром, я без сил привалилась к плечу па и почти сразу же задремала. До Брэдфорда мы доехали без

приключений. И когда я открыла глаза, Харрис уже искал место для парковки.

— Проснулась наша мистресс, — прогудел он, поглядывая в зеркало, — а мы уж будить вас хотели.

Мистресс! Я вздрогнула от этого обращения. Да, надо привыкать. Теперь я маг, и обращаться ко мне будут так.

— Проголодалась? — па отложил газету. — До отлета у нас есть немного времени, можем пообедать.

Перекусив, мы снова сели в магикар, и Харрис доставил нас к воздушному порту — трехэтажному, розовато-бежевому, с вывеской, подсвеченной магическими огнями. Пока Харрис менял наши билеты на посадочные талоны у специальной стойки, мы с па расположились в креслах зала ожидания, и я осмотрелась. Больше всего меня поразило купол потолка, украшенный фресками. На нас, пассажиров, сверху вниз смотрели нарисованные задумчивые создания, закутанные в плащи. Это были маги воздуха. Рядом были седобородые старцы, держащие в руках свитки с чертежами, — ученые. Вместе они изобрели и подарили людям цеппелин. Еще две-три минуты, и мы пройдем здание насквозь и выйдем к взлетным платформам.

— Волнуешься? — спросил па. И я не сразу поняла, о чем он. Моя судьба так резко изменилась, и мне приходится так внезапно и быстро покидать родной край, что я просто не вспомнила о своей нелюбви к полетам на цеппелинах. Нет, у меня не было ни страха, ни паники, тем более что после гибели моих родителей правила безопасности ужесточили так, что аварий больше не случалось. Но войти и занять свое место в цеппелине мне все равно будет нелегко.

— Немного — кивнула я.

Да, немного волнуюсь и совершенно никуда не хочу.

Вернулся Харрис, объявили посадку. Огромный силуэт цепелина, удерживаемого у земли тросами и магией, темнел в воздухе перед ярко освещенной площадкой, словно удивительное морское чудовище левиафан из энциклопедии.

Когда наш багаж был размещен и пассажиров пригласили подняться на платформу, я нырнула в объятия моего милого Харриса и почувствовала, что вот-вот позорно расплачусь у всех на виду.

— Ну-ну, — ласково улыбаясь в усы, прогудел тот. — Лети с легким сердцем, стрекозка! Здесь тебя всегда будут ждать. — Харрис и па пожали друг другу руки. Мы взошли на платформу и ухватились за поручни. Чуть позже, когда все зарегистрированные пассажиры оказались на местах, платформа плавно поднялась к корзине цепелина. Выдвинулась лестница, по которой пассажиры один за другим поднялись на борт. Маг-воздушник, стоящий на платформе и контролирующий процесс, дал сигнал своему коллеге на борту, и лестница поднялась. Мы с па прошли в салон и удобно устроились в креслах напротив пожилой супружеской пары. Легкое покачивание и вид из небольшого круглого окошка — вот и все, что напоминало: мы не на земле.

Высоту наш цеппелин набрал плавно, но довольно быстро (спасибо воздушникам, управляющим нашим небесным левиафаном). И все же я сжала подлокотники кресла с такой силой, что они чуть не остались у меня в руках. Пришлось сделать медленный вдох и выдох.

— Все в порядке? — спросил па, мягко пожимая мою все еще скрюченную от напряжения и холодную руку своей — уверенной и теплой. И я, наконец, смогла расслабиться.

— Да, па, — сказала с благодарностью.

Столица встретила нас холодной пасмурной погодой. Пронизывающий ветер пробирался в рукава накидки и раздувал юбку. Контраст с солнечным Брэдфордом оказался разительным. Паровой вокзал находился в центре города. Времени у нас хватало, поэтому мы смогли себе позволить и неспешную поездку на извозчике, и небольшую экскурсию. Лиденбург и в этот раз произвел на меня не слишком приятное впечатление. Прямые узкие улицы, мощенные камнем, грязь. Почти все дома вокруг были серые. И даже если глаз находил розовые, голубые или желтые здания, то оттенок их был нечист, словно краску разводили в той же грязной жиже, которая хлюпала по краям дороги. И небо, низкое, унылое, достойно дополняло этот пейзаж. Однако чем дальше мы двигались к центру, тем чище и шире становились улицы, тем больше магикаров попадались навстречу, тем ярче одевались люди. Когда же мы переехали большой каменный мост через Виенну, разница стала еще заметнее.

Улицы стали в два раза шире, по зеленым бульварам прогуливались господа в дорогих костюмах и дамы, словно сошедшие с обложки модных журналов. Даже переулки, куда приходилось иногда сворачивать из-за плотного движения магикаров, выглядели торжественно.

А уж когда мы добрались до главной площади города, роскошь ослепила и оглушила. Повсюду

каскады и фонтаны, цветочные клумбы в несколько ярусов, сверкающие белизной мраморные скульптуры, блеск позолоты. Главным украшением площади оказался огромный лазоревый дворец, выстроенный полукругом.

Мы проезжали мимо центрального парка, храмов, известных на всю страну музеев, деловых и торговых центров, где было оживленно, как на брэдфордской ярмарке в праздничный день, кружили вдоль притоков Виенны и заглянули в совсем новые районы города, не столь роскошные, но зеленые. Мы огибали парки и высотные здания университетов. И вот, наконец, показалось здание парового вокзала.

Колеса мерно стучали, паровик покачивался, я неотрывно смотрела, как пробегают мимо дома, деревья, большие строения — заводы, как уверял па, реки и холмы. Все это успокоило меня и заставило вспомнить о важном. Я решила продолжить разговор, начатый несколько дней назад.

— Па, — тихо начала я, — так кинжалу не место в кондитерской лавке? Ты считаешь, мне не стоит этим заниматься?

— Милая, — па сразу же отложил газету, которую взялся было просматривать, — я просто считаю, что тебе надо узнать себя получше. Я совершенно не удивлен, что Лиз так вдохновлена этой идеей, но никогда не замечал, чтобы тебе нравилось хозяйственное дело или кулинария.

— Думаешь, у меня не получится?

— Дело не в этом. Иногда полезно побыть в одиночестве, чтобы понять, чего ты хочешь на самом деле. Но если ты не передумаешь, я первый поддержу тебя.

— Спасибо, па, — я обняла человека, заменившего мне отца, — а вдруг я окажусь магом смерти? Вот будет поворот!

— О! — воодушевился па. — Это было бы совсем неплохо. В наших краях утилизировать мусор некому. Ты была бы нарасхват.

— Стать мусорной королевой Брэдфорда — вряд ли это мое призвание.

— Зато какой доход, дочка, какой доход! — рассмеялся па, так забавно играя бровями, что удержаться от улыбки не было никакой возможности.

Вот и Далвертон. Встречающее нас здание вокзала, темно-серое с белыми карнизами, выглядело по-школьному скромно. Здесь тоже предпочитали серый всем остальным цветам, но зелени было больше, а улицы казались чище, чем в столице. То тут, то там попадались приятные глазу детали: деревья, стволы которых были укутаны разноцветными вязаными чехлами, клумбы, выложенные мозаикой из матового стекла, небольшие уютные домики с резными ставнями и яркими черепичными крышами.

— Много мастеров хороших у нас тут живет, — рассказывал извозчик, пока вез нас в гостиницу, — и ученый народ имеется. Институт здесь да университет, ну и школы хорошие тоже есть. Для магигов школа вот — лучшая в стране. Только хлопот от них много, хорошо, что перевели их в здание старой усадьбы, что на отшибе. Сразу спокойнее в городе стало.

Мы неторопливо ехали по одной из старинных улиц города. Симпатичные двухэтажные домики, и совсем небольшие, и довольно просторные, тесно

прижимались друг к другу. Дух ушедшего времени витал здесь в воздухе. И было легко представить, что мы перенеслись на двести лет назад.

— А вот и гостиница ваша, — показал извозчик на большой кирпичный особняк с темной, почти черной отделкой и башенкой под треугольной крышей. Наши апартаменты размещались на втором этаже. Три комнаты — гостиная и две спальни, совсем небольшие, но уютные, с добротной мебелью из темного дерева. Мы заказали ужин, отдохнули с дороги. Затем па решил спуститься в общий зал, а я села за письма Лиз и ма, чтобы па мог увезти их с собой.

*Из письма Эммы к Лиззи
(второй день в Далвертоне)*

Сегодня мы ездили в школу-распределитель магов. Знаешь, как называют такие заведения сами воспитанники? ШРАМ. Так и говорят: «Снова в ШРАМ», «ушел из ШРАМа». Как считаешь, забавно или не очень?

Вообрази большое поместье, кованый забор с затейливыми воротами. Огромное главное здание, похожее на крепость: кирпично-красное, с белыми карнизами, без лепнины. Оно выстроено в форме восьмерки, поэтому у него есть два внутренних дворика. В главном здании дирекция и очень много классов. Вокруг стоят здания поменьше: классы для младших учеников, общежития, столовые и павильоны. А вокруг полигоны, где учат стихийников, оранжереи для магов жизни и еще много того, что я не успела рассмотреть.

Мы встретились с директором — мистром Хортоном. Это невысокий лысоватый мужчина лет пятидесяти, очень подвижный и с таким хитрым взглядом, что на ни за что бы не взял его в управляющие, он сам потом так сказал. Пока на беседовал с ним в кабинете, я пила чай в приемной и смотрела в окно. Заметила в одном из двориков мальчиков и девочек лет десяти-двенадцати. Одетые в спортивную форму, они бегали по кругу и преодолевали полосу препятствий под руководством наставника. Стоило ему отвернуться, и мелкие проказники тут же принимались хулиганить — кидались огоньками, брызгались водой. Чуть не спалили друг другу волосы. Все это так странно! Не чувствую себя частью этого мира.

Чуть позже нам представили одного из старших преподавателей — мэтра Далтона. Он похож на пожилого профессора, только без очков, с небольшой белой бородкой, очень вежливый. Мэтр любезно согласился провести для нас небольшую экскурсию по школе. И заодно назначить мне наставника (здесь так положено). Интерьеры школы произвели на меня интуитивное впечатление: серый каменный пол, обшитые темным деревом стены, небольшие окна. Тот, кто строил это здание, был ужасно нелюдимым. Мы зашли в неприятное помещение — что-то среднее между кабинетом врача и лабораторией. Мэтр Далтон поместил меня в специальную установку, чтобы увидеть мою ауру. Две целых четыре десятых... Сила растет. Ось все так же не просматривается. Мэтр минут десять пытался разглядеть хоть какие-то признаки оси, но тщетно. Я начала нервничать, но

он сказал, что так бывает, если оба полюса одной оси одинаково развиты, хотя именно таких случаев, как у меня, он не видел. Поэтому предложил пока выбрать направление мне по вкусу, а дальше видно будет. Я вспомнила о наших грандиозных планах и, не задумываясь, выбрала магию жизни. Какое совпадение! Мэтр — маг-целитель! Он берется меня курировать!

После этого мэтр проводил нас к общежитию. Мне придется жить там вместе с другой ученицей. Таков устав школы: с новенькими обязательно должен находиться рядом кто-то более опытный, чтобы в случае чего «взять под контроль спонтанный выброс силы или позвать на помощь преподавателей». Я сразу почувствовала себя ходячей бомбой среди других ходячих бомб. Кастелянша общежития мистресс Грин, суровая дама средних лет, очень напомнила мне мэтрисс Шульц. Жить я буду на третьем этаже с некой Алисией Уилби, огневичкой. Форму и ключи от комнаты мне выдадут при заселении. О ужас, уже завтра. Скучаю. Твоя Эмма.

Остаток вечера мы провели с па. Играли в карты, дурачились, вспоминали смешные семейные случаи. О том, что завтра я впервые останусь одна, я старалась не думать.

Во сне я снова с друзьями. Теперь их только двое — Эд и крепкий русоволосый парень, маг земли. Мы у него в гостях. Пока взрослые беседуют в гостиной, а младшие кузены ищут нас по всему дому, мы пробираемся в мастерскую нашего друга.

Эмма Дженкинс

Мы сидим за большим рабочим столом под лампой. Вокруг стеллажи и комоды. Наш приятель роется в ящичках, задумчиво потирает затылок — видимо, забыл, где хранятся нужные ему детали или инструменты. Тем временем Эд открывает первый попавшийся ящик и присвистывает. Заглядываю туда и открываю рот от изумления: сверкающая россыпь огненных рубинов всех оттенков красного. Самый маленький из них — с ноготь моего мизинца. Наконец, все нужное найдено. Маг земли кладет на стол два круглых камешка, тоже красных, но не таких блестящих («Гранаты», — доносится до меня как сквозь толщу воды), и медную проволоку. Удивленно смотрю на то, как ловко крепкие пальцы сплетают из проволоки браслеты, закрепляя по камню в каждый. А Эд сосредоточенно глядит на его работу и двигает пальцами так, будто плетет невидимую сеть и накидывает ее на руки друга. Тот, продолжая плести, вдавливая пальцы в камень, словно вплавляет в них нечто незримое. Так вдвоем они и продолжают работать. И когда второй браслет готов, их пальцы подрагивают от напряжения, а на высоких лбах блестят бисеринки пота.

«Вот, держи, готово», — с усталой улыбкой протягивает мне браслеты мой самый надежный друг. «Спасибо, Лай, Эд!» — благодарность моя не знает границ. Я обнимаю друзей крепче, чем могла бы обнимать братьев.

Лай. Конечно, Лай. И когда я проваливаюсь в другой сон, на моем лице еще блуждает улыбка.

ГЛАВА 5

Ка подписал необходимые документы для заселения у мистресс Грин и помог донести вещи до моей (уже моей!) комнаты, где, к счастью, пока никого не было. Сама же комнатка радости не прибавила: вся обстановка — две узкие кровати, два небольших письменных стола с одинаковыми лампами, два узких шкафа да умывальник в углу. Небольшое окно с простенькими цветастыми занавесками как бы нехотя пропускало свет, и уже сейчас комната казалась темной. Я щелкнула выключателем, и под потолком вспыхнула люстра с тремя лампочками без всяких плафонов, освещая новые детали: стопки тетрадей на одном из столов, вырезки из журналов на стенах, чисто выметенный, но щербатый деревянный пол, полосатые вязаные половички у кроватей.

— Ну что ж, — протянул па. — Жить можно. По крайней мере, твоя соседка чистоплотна, это большой плюс.

Он занес мои чемоданы и коробки в комнату.

— Пора, милая, проводи меня! Заодно зайдешь к кастелянше за формой и дальнейшими инструкциями.

Мы вышли из комнаты. Сегодня здесь более оживленно, вчера по ступенькам бегали ученицы и с интересом поглядывали на нас с па.

— До свидания, дочка, — па обнял меня на прощание. — Долгие провода — лишние слезы. Пиши нам, пиши сестре. Буду звонить вашему директору время от времени. Мы любим тебя и обязательно приедем на каникулы.

— Буду ждать. Люблю вас, — улыбнулась я па и помахала ему рукой, когда он обернулся, открывая дверь. Ну вот и все.

К горлу подступил ком, но я вовремя вспомнила, что нет времени страдать: надо получить форму, узнать, где здесь ужинают, а также завтракают и обедают, разобрать вещи. С первого пункта я и решила начать.

Мистресс Грин ждала меня в своем кабинете.

— Так, Дженкинс. Ну-ка, прикинем размер. Ага! Вот ваша форма.

На стол легла стопка отутюженной одежды. «Серая», — вздохнула я мысленно.

— А вот форма для спортивных занятий!

На стол легла новая стопка, на сей раз бурая.

— Комплект постельного белья, — а вот и третья стопка кипенно-белого цвета. — Белье раз в неделю сдаете в стирку, получаете взамен новое. Форму и личные вещи стираете и чистите сами. А еще вот, получите, — на стол легла металлическая бляшка, — пропуск. Предъявляете на входе и выходе в школе и в общежитии. Артефакт!

Последнее слово кастелянша произнесла горделиво, подталкивая бляшку в мою сторону.

— О! — я протянула к ней руку, и тут же меня ударил маленький колкий разряд. — Ой!

— Запечатлелся, — довольно кивнула коварная женщина. — Теперь никто, кроме тебя, воспользоваться им не сможет. Приходить в общежитие не позже десяти вечера. Не шуметь, кавалеров не водить! Вопросы есть какие-нибудь?

— Да. Во сколько тут ужинают? Где можно посмотреть расписание? И можно ли выходить из школы в город?

— Ужин в семь, столовая в отдельном корпусе, выйдешь отсюда и налево второе здание. Выходить новичкам можно только в сопровождении старших учеников. А расписание... Наставника знаешь своего?

— Мэтр Далтон.

— Тогда расписание найдешь в холле главного корпуса на стенде виталистов.

Я уже и забыла, что так называют магов жизни. Поблагодарив мистресс Грин, я сложила все выданные стопки одежды и белья в одну и побрела наверх. Странные были ощущения: открывать дверь своим ключом, выходить на улицу, чтобы поесть, и не знать никого вокруг. «Демонова кочерыжка», как сказала бы Лиззи. Столовая оказалась совершенно не похожей на ту, что была в заведении мэтрисс Шульц. Обеденный зал намного больше и совсем не так уютен. Я отстояла длинную очередь, но мои худшие опасения не оправдались. Еда выглядела неплохо, даже выбор имелся, хотя и небольшой — котлеты или рыба, рис или пюре из картофеля, отвар или компот. Я взяла свой поднос с ужином и окинула взглядом

зал — народу было много, но свободные столики еще оставались. К одному из них я и направилась. Но не успела осилить и трети порции, как на мой стол опустился еще один поднос.

— Привет! Ты, наверное, тоже новенькая. Сидишь одна, ни с кем не общаешься. Не против, если я присоединюсь?

И, не дожидаясь ответа, на соседнее место уселась девушка. Миловидная, отметила я мельком, светло-волосая, похожая на фарфоровую куколку, которая сидела у нас в каминном зале. Даже маленький ротик так же чуть приоткрыт, словно от изумления.

— Да, я только что приехала.

— И как тебе здесь?

— Пока не поняла, — ответила я честно.

— Зато я прекрасно поняла. Это кошмар какой-то! И школа, и комнаты, и еда...

Девушка брезгливо покосилась на свои тарелки.

— И вообще. Раньше я училась в хорошей школе в Лиденбурге, а тут, — она понизила голос до шепота, — всякий сброд: ни манер, ни представлений о приличиях... Кстати, я Ханна, давай дружить.

Мне под нос подсунули маленькую крепкую ладошку с короткими, но тонкими пальчиками, которую я слегка пожала.

— Эмма. Очень приятно.

— Ой, я так рада, что тебя встретила. Ты хоть выглядишь нормально. Не как эти, — она быстро оглянулась по сторонам. — Сразу видно, что из приличной семьи.

— Какой у тебя дар? — спросила я, чтобы сменить тему.

— Жизни, — ответила Ханна с таким выражением, словно это единственный приличный вариант из всех имеющихся, — третий с половиной уровень. А у тебя?

— Тоже, наверное.

— Как это? — захлопала глазами моя новая знакомая. Но тут ее осенило. — Ой, так это мы с тобой учиться будем? Кто твой наставник?

— Мэтр Далтон.

— И у меня. Как я рада нашему знакомству!

А я вот что-то не в восторге.

Покончив с ужином, мы вместе отправились в общежитие. А там оказалось, что моя новая знакомая не хочет идти в свою комнату, а полна решимости помочь разобрать мои вещи. Достойного повода отказаться от ее помощи я придумать не смогла, а потому имела счастье выслушать демонову уйму причитаний об убогости фасона и материала нашей формы, а также охи и ахи по поводу некоторых моих вещей («Ах, прелесть какой халатик, где ты его купила? Мне срочно нужен такой же!»). Когда Ханна все-таки ушла к себе, я почувствовала невероятное облегчение. Наконец-то я одна! И тут же усмехнулась: надо же, а несколько часов назад я чуть не расплакалась по той же самой причине.

Остаток вечера прошел вполне спокойно. Соседка моя так и не появилась. Я закончила разбирать вещи, сходила в душ, а по дороге познакомилась еще с двумя девушками, живущими на моем этаже. Знакомство, правда, из разряда «привет-привет», но лиха беда начало. Потом я немного почитала и легла спать, пытаясь представить, что сейчас делают мои родные.

Кажется, тревоги минувшего дня дали себя знать, потому что завтрак я проспала. И, возможно, спала бы и до обеда, если бы в моей жизни не появилась Алисия.

Сквозь пелену дремы я услышала, как в замочной скважине повернулся ключ, а затем дверь распахнулась, и в комнату вошла девушка. Довольно высокая, худая, но не хрупкая — в ней чувствовалась сила. Волны светло-рыжих волос едва закрывали уши. Черты лица резко выделялись, чуть прищуренные ореховые глаза скрывали насмешку. Девушка опустила чемодан, скинула туфли и накидку:

— О! Новая соседка! Ну, привет.

— Привет, — я уселась на кровати и уставилась на нее ясным взором, совенок из зоопарка в полдень, когда ему докучают посетители. Взгляд застывал то на ярких волосах, то на желтом платье «революционной» длины чуть ниже колена. — Ты, наверное, Алисия!

— Наверное, — усмехнулась девушка, — а ты, значит...

— Эмма. Эмма Дженкинс, — для чего-то решила уточнить я, словно тут новенькие Эммы табунами бродили.

— Ну и горазда ты спать, Эмма Дженкинс. Вставай, а то обед проспай!

Алисия забралась на свою кровать с ногами и открыто рассматривала меня.

— Богатенькая, — произнесла она наконец. — И откуда ты?

— Из окрестностей Брэдфорда. И ты права, у моих опекунов хорошее производство. Денег нам вполне хватает.

— Опекунов? А родители?

— Погибли. Давно уже.

Мы немного помолчали.

— Ну а мы люди простые, можно сказать, с улицы, — в насмешливом голосе соседки слышался вызов. Светло-карие глаза смотрели с интересом. Что, мол, на это скажешь?

— Рада с тобой познакомиться, Алисия, — сказала я от души.

И мои родители, и ма с па учили меня тому, что происхождение — не главное. А воротить нос от тех, кому не повезло так, как тебе, — последнее дело.

Девушка подошла к окну и приоткрыла одну из створок.

— Не против? — снова не без ехидства спросила она меня.

Я покачала головой.

— Дар какой у тебя?

— Никто пока не в курсе, — почему-то захотелось рассказать все как есть. — Два с половиной уровня, но ни полюс, ни даже ось пока неизвестны.

— Да ну? — Вот теперь в голосе Алисии Уилби прорезался настоящий интерес. — И куда тебя определили?

— К магам жизни. Наставник — мэтр Далтон.

Девушка задумчиво хмыкнула и повернулась ко мне.

— Если уж Далтон не вытащит из тебя зачатки дара, то можешь быть уверена: ты не виталист. До-тошнее его я в жизни никого не видела. Ладно, соня, пойдем, отведу тебя в столовую. А то еще уснешь по дороге.

И мы пошли на обед. По дороге то и дело приходилось останавливаться. Алисия приветствовала знакомых, с некоторыми шушукалась, с некоторыми спорила, а с одной девушкой обменялась такими солеными шуточками, что мне стало неловко. У входа в столовую мы столкнулись с группой парней. Один из них, со светлой челкой, падающей на глаза, противно ухмыльнулся и крикнул в нашу сторону:

— Смотрите, огневушка-поскакушка завела себе новую подружку.

— Отвали, Стен, и не позорься, пора бы уже вылезти из песочницы, — презрительно бросила Алисия и слегка подтолкнула меня в спину: пошли, мол.

— Тебя тут все знают, — не смогла не отметить я, когда мы поднимались по лестнице.

— О да! Так, чем нас сегодня покормят? — и мы пристроились в конец очереди, куда более длинной, чем вчера.

Сегодня я ела за большим столом в окружении приятелей Алисии. Сквернословили некоторые из них ужасно, но ко мне отнеслись дружелюбно. Расспрашивали, давали советы, рассказывали разные забавные случаи и смеялись, когда я рассказывала о наших с Лиз проказах в школе мэтрисс Шульц. Ханну я тоже заметила: она шла с подносом, думая, куда бы примоститься. Когда я махнула ей рукой, приглашая к нам, она с негодованием посмотрела на меня и прошла мимо.

После обеда наши с Алисией пути ненадолго разошлись. У нее были свои дела, а мне нужно было взглянуть на расписание.

В главном корпусе народу было чуть меньше, чем в столовой. Потолкавшись минут десять, я нашла, наконец, свое расписание и начала аккуратно переписывать его в тетрадь, когда меня вдруг очень невежливо схватили за локоть.

— Виталисточка, значит! Ничего себе такая! — передо мной стоял тот самый белобрысый Стен. — Передай своей рыжей подружке: если будет выпендриваться, я ей это припомню!

Дослушивать эту проникновенную речь я не стала. Молча отдернула руку и поспешила уйти.

Прогоулки ради я обошла почти всю территорию школы, кроме полигонов, и только после этого вернулась в общежитие. Завтра должны были начаться занятия, а сделать предстояло много. Например, привести в порядок форму. Даже в то небольшое зеркало, которое висело над умывальником, было видно, что она висит на мне как на вешалке. Я крутилась, пытаюсь понять, как исправить удручающее положение. Наконец, решила немного сузить платье в талии. Сказано — сделано. Небольшой дорожный набор для шитья был у меня с собой, и я взялась за работу. Когда я уже заканчивала, в комнату вошла Алисия.

— Ух ты, богатенькие девочки сами ушивают себе платья? — беззлобно осведомилась она.

— Они еще не на то способны, — решила отшутиться я, перерезая нитку. — Сейчас посмотрим, что вышло.

Примерка показала, что вышло чуть лучше, но до стандартов лиденбургской моды этому платью было так же далеко, как от меня до Брэдфорда пешком.

— Да, серый — явно не твой цвет, — прокомментировала Алисия. — Хотя я вообще еще не встречала тех, кому он был бы к лицу. Но если сделать защипы вот тут и вот тут, то сидеть будет неплохо.

Я и глазом моргнуть не успела, как девушка выхватила пару булавок из набора и ловко подколола платье в нужных местах. Мне осталось только аккуратно снять платье и подшить.

— И правда, так гораздо лучше, — вертелась я перед зеркалом полчаса спустя. — Спасибо тебе. С меня что-нибудь вкусненькое. Ну, когда смогу в город выбраться.

— Заметано! — Алисия улеглась на свою кровать и принялась листать журнал. Я тем временем собирала сумку на завтра: складывала тетради, автоперья, карандаши и прочие необходимые вещи. Затем села писать письма ма и Лиз. Когда закончила, оказалось, что подошло время ужина, и мы снова пошли в столовую.

Вставать завтра предстояло рано, занятия начинались в восемь утра. Я немного переживала, что не услышу будильник, но Алисия меня успокоила.

— Ничего, с завтрашнего дня врубят звуковое оповещение по школе, подскочишь в семь как миленькая.

Успокоенная этим объяснением, я легла спать.

Мой сон тревожен. Я сижу на берегу реки. То зачерпываю ладонью воду, то замороженно вглядываюсь в толщу воды, желая испытать то же чувство покоя, что и камни, лежащие на дне. Эти мысли пугают меня, но кажутся такими манящими.

Елена Добрынина

Я забываю о них в тот момент, когда мой друг, светловолосый водник, садится рядом. Всегда подтянутый, аккуратный, отмеченный той утонченной красотой, которая предполагает изнеженность, сейчас он не похож на себя. Льняные кудри в беспорядке, глаза уже сухие, но предательски красные, кулаки сжаты в бессильной злобе. Мне не нужно даже спрашивать, в чем дело. Причина всегда одна. Его мать неизлечимо больна, даже лучшие целители не дают надежды. А отец, сильнейший маг воды, тяготится таким положением и уже подыскивает себе новую жену. Снова слова друга доносятся до меня урывками. «Урод. Как можно! Прямо при ней! Ненавижу!» Мне тоже тяжело. Я знаю, что родные предлагали его отцу меня в качестве невесты, и в который раз готова благодарить Источник за то, что не наградил меня даром.

Я беру друга за руку. Наши отражения в воде похожи на двух неприкаянных странников.

— Рид! Мы же никогда, никогда не станем такими, как они?

— Лучшие сдохнуть.

ГЛАВА 6

— Подъем, доброе утро, пора вставать! — ввинчивался в уши магически усиленный сигнал оповещения.

Я подскочила на кровати как ошпаренная. Душе-раздирающе бодрую мелодию, которая последовала за оповещением, я слушала уже сидя, свесив одну ногу с кровати. Соседка моя, судя по всему, проснулась раньше и покатывалась со смеху, наблюдая за мной.

— Видела бы ты сейчас свои глаза. Размером с крону каждый! — восклицала эта юмористка. — Кстати, кто такой Рид?

— Друг, — лягнула, не подумав.

— Друг или дру-у-уг? — последнее слово она пропела, жеманно похлопав глазками.

— Друг, просто друг, кошмар приснился, — пояснила я, приходя в себя.

После завтрака в компании приятелей Алисии пришло время идти на первое занятие. Проходило оно, по счастью, в главном здании школы, на втором этаже, и времени добраться до нужного класса у меня было предостаточно.

Когда я вошла в класс, там уже сидело несколько учеников, в том числе Ханна. Я пожелала всем доброго утра. И почти все ответили мне тем же, только Ханна сделала вид, что не видит меня и не слышит. Минут через десять класс почти заполнился, и я с любопытством разглядывала тех, с кем мне предстояло учиться. В основном это были девушки, молодых людей всего четверо. Общительные и робкие, уверенные и чувствующие себя не в своей тарелке, спокойные и те, кто явно нервничал. Мой сосед справа, тихий полноватый юноша в очках, спокойно писал что-то в тетради, а соседка слева, невысокая, с двумя смешно торчащими косичками, так и вертелась на месте от нетерпения.

Когда в класс степенно вошел мэтр Далтон, все взгляды устремились к нему, и в классе настала полная тишина. Я боялась, что первый урок будет скучным, но наш наставник приятно удивил. Он кратко рассказал нам о том, как будут проходить занятия: у нас будут и общие предметы — от истории, алгебры и рионского языка никуда не деться, — и уроки магии. Некоторые занятия будут объединенными, сразу для нескольких групп. Практические же занятия и те, что касаются нашей специализации, будут проходить в таком составе, как сейчас. Чуть позже нам назначат часы индивидуальных занятий с мэтром.

А потом преподаватель перешел к материалу нашего курса «Основы виталистики» и рассказал много такого, о чем я и не задумывалась раньше. Например: несмотря на то, что виталистам свойственно внимательное отношение к живым объек-

там, это никак не сказывается на их человеческих качествах. В истории известны случаи, когда маги жизни оказывались чудовищными злодеями. Они истязали своих жертв и использовали магию, чтобы продлить их мучения.

— А теперь давайте перейдем к первому практическому заданию. На своих столах вы видите замученные морталистами побеги зимней фасоли. Мы не проходили с вами никаких формул или заклинаний, но сила наша с вами такова, что, даже используя ее интуитивно, мы можем помочь этому растению. Итак, попробуйте мысленно сфокусировать вашу силу в ладонях и направить ее на растение вот так!

Мэтр сложил ладони домиком над своим образцом, и прямо на наших глазах произошло маленькое чудо: щедушный росток налился соком, расправил листики и даже немного подрос.

— Итак, прошу. Мистресс Дженкинс, — неожиданно обратился он ко мне, — ваша задача — делать то же, что и все. Даже если не будет никакого эффекта, прислушивайтесь к вашим ощущениям, пытайтесь почувствовать отклик.

После этих слов почти все с удивлением уставились на меня. Еле подавив в себе желание криво улыбнуться в ответ, я просто кивнула наставнику. «Привыкай, Эмма, — пришлось сказать себе, — кто знает, когда станет ясно, какой именно у тебя дар. Может, весь год придется повсюду чувствовать себя белой вороной».

Пока я размышляла, мои одноклассники взялись за работу. И кто-то уже получил первые результаты. Тихая девочка в очках удивила всех: ее росток

зазеленел, подрос и выпустил пару новых листочков. Мой сосед настойчиво повторял упражнение, и его растение медленно, но все же приходило в себя. Даже Ханна преуспела: ее задохлик не позеленел, но заметно выпрямился. И только я, сколько ни пыхтела, сколько ни представляла, как собирается вся моя энергия в ладонях, не смогла сделать ровным счетом ничего.

Следующим был урок истории. Проходил он на первом этаже в большом классе размером с целый зал. И представлял собой то самое «объединенное» занятие. Кроме нас присутствовало еще две группы — магов жизни, как мы, и, неожиданно, морталистов.

Проходя по ряду, я нечаянно смахнула рукой чей-то карандаш.

— Извини, — быстро сказала я и, подняв карандаш, вернула его владелице. Ею оказалась моя одноклассница, та самая, с косичками.

— Ничего страшного, — дружелюбно отозвалась девушка, — Я Элси, мы с тобой в одном классе у мэтра Далтона. А это, — она повернулась к девушке, сидящей позади нее, — Шейла, морталист.

— Эмма, — представилась и с удивлением посмотрела на Шейлу. Невысокая, со светло-русыми кудряшками и пухлыми розовыми щечками, меньше всего она была похожа на мага смерти.

— Историю магии у нас преподает мэтр Корнби, — наморщила лоб Шейла, — Стенли говорил, он строгий, но рассказывает интересно.

— Стенли? — меня посетило нехорошее предчувствие.

— Мой брат, — пояснила новая знакомая, — он тоже маг смерти, но учится здесь уже третий год и все знает.

— Светловолосый? — я изобразила, как убираю падающую на глаза челку.

— Да-да. Так вы знакомы? — насторожилась моя собеседница.

— Да, но не могу сказать, что рада этому.

— О! — как-то стушевалась Шейла. — Он иногда бывает таким грубияном.

— В любом случае, ты совершенно не обязана за него оправдываться, — я дружески улыбнулась кудряшке.

В класс вошел тщедушный неопрятный мужчина средних лет. Его короткие черные волосы были давно не мыты и к тому же взъерошены. Он спокойно прошествовал к преподавательскому столу. И я поспешила к своей парте.

— Начинаем, — неожиданно зычным голосом провозгласил преподаватель. Он замысловато взмахнул рукой, и в воздухе перед нами засияла известная всем схема осей и направлений магии. По партам побежала волна перешептываний: «иллюзия», «маг иллюзий». Да уж, настоящего мага иллюзий не так часто увидишь. Звали его мэтр Корнби.

Сама схема представляла собой привычные восемь лучей, выходящие из центра и образующие четыре магические оси: «земля — воздух», «вода — огонь», «жизнь — смерть» и «разум — чувства». У мага могла быть активна только одна из осей. Но в пределах одной оси нередко были случаи смешения даров. Например, маг воды мог развить у себя небольшой

уровень магии огня, маг жизни мог иметь небольшой уровень магии смерти. Но ведущим всегда был только один дар. Чем ярче проявлялся дополнительный дар, тем меньше становился общий уровень.

Чаще всего на это шли маги жизни — небольшой уровень магии смерти давал больше возможностей для обезболивания. Или маги земли — дополнительная магия воздуха позволяла лучше призывать заклинания к артефактам. А вот менталисты и эмпаты предпочитали не активировать вторую часть своей оси. Это могло стоить им душевного здоровья.

Мэтр Корнби рассказал и то, как была открыта возможность активации второго полюса.

Один древний маг-менталист совершил преступление и был приговорен к выжиганию дара. После этой страшной процедуры он считался неопасным и коротал свои дни в темнице. Постепенно бывший маг открыл, что может понемногу развивать дар эмпата. Разумеется, по сравнению с прежним, выжженным даром это были крохи, но лучше, чем ничего. И главное, этого хватило, чтобы разжалобить тюремщиков так, что они своими руками выпустили преступника на свободу.

Рассказ сопровождался такими забавными иллюзиями-картинками, что мы все слушали, открыв рты. А у меня, вдобавок ко всему, возник вопрос, и так как он не давал мне покоя, я подняла руку.

— Слушаю вас, мистресс... — тут же обратился ко мне преподаватель.

— Дженкинс, мэтр. Скажите, пожалуйста, бывает ли так, что у мага оба полюса одной оси развиты одинаково?

— Да, время от времени такое встречается среди слабых магов. В таком случае заметить дар бывает непросто. Зато обладатель подобных осей имеет уникальную возможность: он может сам делать выбор и развивать тот дар оси, который захочет. Напомню: общий уровень дара у таких магов всегда невысок.

Меня обрадовал его ответ. Во-первых, он означал, что дар мой со временем выявится, и я даже смогу сделать выбор. Во-вторых, если уровень моего дара будет небольшим, я вряд ли заинтересую Магконтроль и служить меня не отправят.

Оставалось еще три урока. Обычные, геометрия и алгебра, прошли в том же классе и в том же составе.

Для последнего урока нам пришлось переместиться в большой зал. Дисциплина называлась «Правовые аспекты магии», и слушать ее мы должны были полным курсом. Народу в зале было много, а шум стоял такой, что я почти не слышала, о чем говорит сидящая рядом со мной Элси.

— Сразу видно, что здесь стихийники, — бодро заметила Шейла. — Вот уж кого прямо распирает от энергии. А вон, видите, по углам расселись и молчат, — так это, скорее всего, менталисты, все они буки.

В памяти всплыли насмешливые голубые глаза, но я сразу же отогнала эти воспоминания. Всем известно, что исключения только подтверждают правила.

— Мэтрисс Фрейзер — демон в юбке, — продолжала Шейла. — Лучше ей не перечить: раздавит и не заметит.

После таких рекомендаций я то и дело оглядывалась на дверь. И мэтрисс Фрейзер не обманула ожи-

даний: в класс вошла решительным шагом и громко постучала по доске, привлекая всеобщее внимание. Выглядела она впечатляюще: высокая, с пышными формами, с широкими плечами и большими руками, одетая в ярко-красное платье. Ее огненно-рыжие волосы были уложены в высокую прическу. Всем своим видом она демонстрировала энергичность и боевой настрой. С задних рядов раздался восхищенный присвист.

— Свистеть будешь милке на рынке, — хриловатым резким голосом сказала мэтрисс, сложив руки на груди. — Значит, так, детки. Вы, наверное, думаете, что вытащили счастливый билет, вы теперь всемогущие маги и вам можно все? Так вот, это не так. Билет-то вытащили, но теперь ваша основная задача — не спустить его к демонам в трубу. Поэтому на нашем первом занятии я расскажу о том, что бывает с мальчиками и девочками, которые возомнили себя всемогущими магами.

— Ишь, фря какая, — раздался шепот с предпоследнего ряда.

Все замерли.

Мэтрисс Фрейзер неспешно подошла к парню, который это сказал. Остановилась и, щелкнув пальцами, сотворила яркий пульсирующий огонек, похожий на толстого жужжащего шмеля. «Шмель» мигом подлетел к парню и впился в вихор его каштановых волос, оставляя от него лишь пепел.

— Ай! — вскричал парень.

— А теперь пошел вон из класса, — все так же спокойно произнесла эта страшная женщина. — Я разрешу тебе вернуться, когда ты принесешь мне

правовое обоснование того, почему я могу себе позволить подобные действия, а ты нет. С указанием источников. Если вы еще не поняли, вы не в обычной школе, — продолжала она, обращаясь уже ко всем, пока перепуганный парень бежал к выходу. — Будьте любезны держать при себе свои слова и эмоции. Иначе... Вариант первый — выжигание дара!

Дальше последовали другие варианты наказаний вплоть до штрафов, выговоров и принудительных работ в пользу государства. Отдельным разделом шел устав нашей школы, в котором за любое магическое воздействие на человека, не одобренное куратором, ученик мог быть серьезно вплоть или даже отчислен из школы, а это означало, что дар или запечатают на время, или выжгут. К концу урока я уже в сотый раз пожалела, что у меня прорезался дар.

Урок мэтрисс Фрейзер оглушил меня. Если бы не Элси, я бы забыла зайти за учебниками. Но она напомнила, с ней вместе мы и пошли за ними в кабинет наставника.

В подсобном помещении кабинета на нескольких сдвинутых столах высились башни из учебников. Мы с Элси недоуменно переглянулись: унести все это сразу невозможно. А нам кроме книг предстояло унести еще и по горшку с землей.

Пока мы с Элси ходили туда-сюда с сумками, набитыми книгами, и с горшками в руках, успели разговориться.

— Хорошо воздушникам, — мрачно пыхтела одноклассница. — Наколдовали себе воздушную подушку и все за один раз унесли.